

ЧАСТЬ I. ТЕОРИЯ ПОЛИТОГЕНЕЗА

Глава 1. Начальные фазы политогенеза

Гринин Л. Е., Коротаев А. В.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Глава является вводной к целому ряду других глав монографии. В ней будет проанализирован макроэволюционный процесс, который имел место в течение очень длительного периода. В ней представлен общетеоретический анализ процессов и моделей формирования и развития политий, начиная от уровня сложности простых вождеств и их аналогов до ранних государств и их аналогов. Весь этот макроэволюционный процесс в целом назван авторами эпохой первичного (или начального) политогенеза. В процессе политогенеза выделен в качестве его составной части *государствогенез*.

Первичным политогенез назван потому, что на процессе формирования ранних государств он не останавливается, а продолжается в течение всей эволюции государственности от раннего к развитому и даже зрелому государству. Эпоха первичного политогенеза делится на две субэпохи: 1) период формирования вождеств и их аналогов, или догосударственный период; 2) формирование и развитие ранних государств и их аналогов, или раннегосударственный период. Достижение каждого из эволюционных уровней (вождеств и их аналогов, ранних государств и их аналогов) рассматривается авторами в качестве социальных ароморфозов. Социальные ароморфозы – это эволюционно редкие качественные макроизменения, которые значительно повышают сложность, приспособленность и уровень взаимного влияния обществ, а также впоследствии открывают новые направления развития многим социумам.

В главе высказывается следующая важная идея. Эволюционные процессы, модели и направления эпохи первичного политогенеза дают возможность сделать вывод о том, что в течение довольно длительного периода ни функциональная дифференциация внутри социальных систем, ни политогенез, ни формирование социальных групп и классов, ни другие процессы не были четко выражены и не были как-то отделены друг от друга и других эволюционных процессов. Они представляли собой единый процесс, в рамках которого существовали разные аспекты развития. При этом в каждом обществе складывался свой неповторимый вариант развития, где тот или иной аспект формирующихся среднесложных и сложных обществ был развит сильнее и/или преобладал, а другие аспекты развития могли быть выражены слабо или сильно отставать. Поэтому, с одной стороны, мы видим, что в различных поздних архаических обществах есть много общего, а с другой – что нельзя говорить в целом (в рамках социальной эволюции) о преобладании тех или иных линий развития

в этот период. В каждом обществе это могло быть очень индивидуальным. Поэтому не только можно, но и необходимо говорить о многолинейной социальной эволюции.

Только очень постепенно процессы социогенеза, политогенеза, генезиса цивилизаций, этногенеза и т. д. стали более или менее дифференцироваться. После этой начальной дифференциации можно наблюдать другую волну дифференциации уже в рамках более зрелого политогенеза, когда идет процесс дифференциации собственно раннегосударственной и административной линии в рамках формирования разнообразных аналогов ранних государств.

Аграрная революция, или, точнее, ее первая фаза, была связана с переходом к примитивным земледелию и скотоводству. Данный переход ознаменовался глубокими социодемографическими изменениями. При этом важно, что возрастание численности населения и демографического давления (как и рост размеров поселений и общин) вели к возрастанию значимости потестарно-политических (то есть властных) отношений как внутри социумов, так и в межобщественных отношениях, включая военные столкновения. Таким образом, даже на этом уровне сложности можно говорить о протополитогенезе, в частности о потестарных отношениях (см. подробнее в главах 2 и 5).

Однако для того чтобы такие общества, аналоги которых зафиксированы в этнографических наблюдениях наиболее традиционными социополитическими системами Новой Гвинеи, могли развиваться в более сложные организационные формы, они должны были, по образному выражению Ж. Бурдо, «вылечить власть» от паралича безличности, то есть требовалось формирование института власти вождя или его аналогов (в том числе и в виде демократических органов). Поэтому достижение момента, когда формирование первых политий достигло уровня вожеств или их аналогов, было одним из наиболее важных макроэволюционных сдвигов.

В главе предварительно рассматриваются среднесложные общества, при этом с учетом сложившихся концепций они условно делятся на простые вожества и их многообразные аналоги. Формы социополитической организации этого уровня могли быть довольно разнообразными: более или менее централизованные вожества, самоуправляемые гражданские или гражданско-храмовые общины; децентрализованные безвожеские достаточно сложные по структуре племена, так же как и другие различные среднесложные политические системы (подробнее эта тема рассматривается в главе 3). Что касается сложных вожеств, то они относятся к аналогам ранних государств. Этот аспект подробнее будет рассмотрен в главах 4 и 7.

В главе рассматриваются конкретные проявления многолинейности в политогенезе и вариации социополитических форм. Анализируются основные причины, которые определяют политогенетические пути данного общества. Исследуемые факторы включают в себя размер политики, ее экологическое (природное) и социальное окружение, войны и др. Важный вывод заключается в том, что политогенез никогда не сводится только к эволюционному пути, ведущему к государственности. Напротив, формирование раннего государства – только один из многих вариантов развития сложных архаических социальных систем.

Эти сложные системы авторы определяют как аналоги раннего государства. Аналоги раннего государства являлись реальной альтернативой ранним государствам в течение длительного времени, в то же время в определенных экологических маргинальных зонах (аридных территориях и т. п.) они могли соперничать с государствами вплоть до недавнего времени. То есть, *только в конечном счете государство стало ведущей формой политической организации сложного общества*. Сами пути к государствогенезу можно представить в двух моделях: вертикальной и горизонтальной. В рамках первой модели формирование государства шло как бы прямым путем, то есть путем объединения мелких догосударственных политий. В рамках горизонтального пути сначала шло образование аналогов ранних государств, которые могли быть сравнимы с государством по размерам и сложности, а позже из аналога(-ов) возникало раннее государство. При этом некоторые аналоги трансформировались в государство при достижении населения в 10 000–15 000, другие – когда они достигали размера в многие десятки тысяч человек, а были и такие, которые трансформировались в государство, имея население уже в сотни тысяч человек. Это зависело от природной среды, в которой формировался аналог, плотности населения, плотности контактов с другими обществами и исторических особенностей. В главе кратко упоминаются разные типы аналогов ранних государств (эта тема будет подробнее проанализирована в главе 4).

Здесь анализируется также соотношение политогенеза и военного фактора. Сделан вывод, что для рождения государства, как правило, требуется появление особых, необычных, новых условий и обстоятельств, экстремальных ситуаций, связанных с резким изменением привычной жизни, необходимостью новых решений и реформ. По мнению авторов, именно война чаще всего играла роль «спускового крючка» в процессе возникновения таких экстремальных ситуаций, особенно в рамках горизонтального пути государствогенеза.

ЭПОХА ПЕРВИЧНОГО ПОЛИТОГЕНЕЗА И МАКРОЭВОЛЮЦИЯ

Образование первых, еще догосударственных, политий уровня простых вожеств и их аналогов (то есть социально-политических систем средней степени сложности), без сомнения, явилось одним из самых важных ароморфозов социальной макроэволюции (сходные оценки высказывал и Р. Л. Карнейро, впрочем, не упоминая при этом про аналоги [Carneiro 1981]). Образование первых ранних (архаичных, примитивных) государств и их аналогов стало еще одним крупнейшим ароморфозом. В настоящей главе мы хотим остановиться на теоретическом анализе процессов формирования догосударственных политий значительного уровня сложности, а также ранних государств и их аналогов. Этот макроэволюционный процесс условно назван здесь первичным (начальным) политогенезом. Мы уже касались вопросов политического развития в более ранних наших публикациях (см., например: Гринин, Кортаев 2009). Одна из задач данной главы –

показать соотношение между процессами политогенеза, с одной стороны, и различными макроэволюционными процессами – с другой, в течение догосударственного и раннегосударственного периодов развития Мир-Системы.

Некоторые замечания о политогенезе

Термин «политогенез» получил признание в отечественной науке в 1970–1980-е гг. Предложил его Л. Е. Куббель, он же начал активно использовать этот термин. Но Л. Е. Куббель, как и многие из тех, кто сегодня пользуется этим понятием, приравнивал политогенез к процессу формирования исключительно государственности (см., например: Куббель 1988б: 3). Поэтому для догосударственных обществ властные отношения было предложено называть *потестарными*, что, на наш взгляд, в целом не выглядит вполне оправданным, хотя в отдельных ситуациях и представляется допустимым. Такие воззрения вытекали из господствующего тогда и очень распространенного до сих пор, но тем не менее устаревшего однолинейного взгляда, заключающегося в следующем: а) все негосударственные формы по определению являются догосударственными; б) развитие политических институтов и форм вело прямой дорогой к образованию государства; в) любое самое неразвитое государство, естественно, сложнее любого негосударственного общества; г) политические отношения возникают только с появлением государства. Однако политогенез невозможно свести только к образованию государства хотя бы потому, что параллельно с государством существовали и развивались сложные политии негосударственного типа, которые по уровню развития никак нельзя отнести к догосударственным (см.: Гринин, Коротаяев 2009: 429–469). Следовательно, необходимо констатировать подмену более широкого процесса складывания различных политических форм и институтов, то есть политогенеза, более узким (и более поздним) – формированием государства. Между тем, как справедливо заметил Г. Льюис, существует огромное богатство организационного разнообразия негосударственных обществ по всему миру (Lewis 1981: 206). Для того чтобы избежать этих натяжек и ошибок, нами разработаны новые подходы к концепции политогенеза (см.: Коротаяев и др. 2000; Гринин 2007а, 2007б, 2007в; Бондаренко и др. 2006; Bondarenko *et al.* 2002; Grinin 2003, 2004с; Grinin, Korotayev 2006).

Для процесса образования собственно государства было предложено (Гринин 2001, 2001–2006, 2006а, 2007в; Grinin 2002) ввести особый термин. В настоящей главе в качестве такого специального понятия нами используется термин *государствогенез*¹.

¹ В процессе обсуждения настоящей монографии ее авторам высказывались претензии, что данный термин (как и предложенный ранее термин *стейтогенез* [Гринин 2001, 2006, 2007; Grinin 2002]) вроде бы нарушает принятые правила образования научных терминов, согласно которым нельзя образовывать новый термин, используя для этого форманты из разных языков. Единственным более или менее приемлемым вариантом аналогичного термина, согласно данному правилу, могло бы быть *государствообразование* (этот термин используется, в частности, в сборнике научных трудов *Государства в политическом пространстве современности* [Мельвиль, Миرونюк 2007]). Однако он все же слишком неудобен в произношении. Другими альтернативами выступали еще более громоздкие словосочетания типа «процесс возникновения госу-

В западной антропологии также наблюдается тенденция сводить широкие политические процессы к более узким. Но терминологически ситуация здесь как бы зеркальная. Понятие политогенеза там отсутствует (по крайней мере, в англоязычной литературе), поскольку политические антропологи считают достаточным термин *state formation process*². Поэтому было бы очень хорошо, если бы словарь западной политической антропологии пополнился термином «политогенез» (*politogenesis*), который можно было бы использовать для обозначения процесса формирования любого типа сложной политической организации (см. по этому поводу: Vondarenko *et al.* 2002: 66–67).

Таким образом, политогенез должен выступать как более общее понятие, описывающее генезис политической подсистемы сложного общества, а государствогенез – как особый тип политогенеза, ведущий именно к возникновению государственной организации. В результате государствогенеза в управлении обществом все большую роль начинают играть административные, силовые и правовые методы, применяемые новыми типами военных и гражданских профессиональных управленцев-администраторов.

Очевидно, что государствогенез «моложе» политогенеза. И подобно тому, как сам политогенез выделяется из общего процесса социального (в широком смысле слова) развития, так и на определенном этапе политогенеза начинается отпочкование от него государствогенеза. Стоит отметить, что государствогенез,

---

дарства», в результате чего текст становился трудночитаемым из-за возникавших при этом «многоэтажных» конструкций. Углубившись в данный вопрос, мы, однако, нигде не нашли такого правила. С другой стороны, хотя, действительно, существенно большее количество терминов образовано с использованием формантов одного и того же языка, наше небольшое исследование показало, что есть и немалое количество терминов, а равно и обычных слов, образованных формантами из двух (а иногда даже более) языков. Наиболее ярким примером является здесь *социология* – термин, составленный из латинского слова *societas* – общество и греческого *λόγος* [*logos*] – слово, учение, понятие). При этом нельзя не обратить внимание на то, сколько различных сложных слов и терминов образовано с русским формантом, происходящим от слова «государство», и формантами из других языков. Например, госструктура, госкомиссия, госаппарат от латинских слов (структура – от лат. *structura* – расположение, порядок; комиссия – от лат. *commissio* – поручение; аппарат – от лат. *apparatus* – оборудование). А госкомитет, госконтроль – уже от французских слов (комитет – от фр. *comité*, в свою очередь произошедшего от лат. *committo* – поручаю; контроль – от фр. *contrôle*). Мы не говорим уже о таких словах, как *госкомстат*, *госнаркoкoнтрoль* и т. п., состоящих из трех и более формантов из разных языков. Приводим еще некоторые примеры (взяты из словаря *Новейший словарь иностранных выражений*. Минск: Харвест, 2001). Во-первых, это научные термины, немалое количество которых образовано от латинских и греческих формантов: алкалоиды (от средневеков.-лат. *alkali*, в свою очередь произошедшего от араб. *ал-килий* – щелочь + др. греч. *είδος* [*eidos*] – вид); гемоглобин (греч. *αἷμα* [*háima*] – кровь, лат. *globus* – шар); моноцентризм (греч. *μόνος* [*monos*] – один; лат. *centrum* – средоточие, центр); пиротермия (греч. *πῦρ* [*pyr*] – огонь, селекция от лат. *selectio* – отбор). Но есть и масса слов со славянским формантом «ведение» и формантами разных языков (металловедение, машиноведение, киноведение и т. п.). Во-вторых, и слова, используемые за пределами научных теорий, могут быть образованы формантами из разных языков: например, мотоцикл (от лат. *moto* – приводить в движение и греч. *κύκλος* [*kyklos*] – круг, колесо), мотоспорт (от лат. *moto* и англ. *sport* – спорт), лаун-теннис (англ. *lawn* – лужайка и фр. *tenez* – вот вам, берите), киножурнал (гр. *κινέω* [*kinéo*] – двигатель, фр. *journal* – дневник). Число примеров можно увеличить многократно, особенно за счет таких формантов, как электро-, альфа- и т. п.

² Такие вполне удачные и емкие термины, как «сложное общество» (*complex society*), «социокультурная сложность» (*sociocultural complexity*) и т. п., все же не решают проблему полностью.

как правило, требует гораздо больших территорий, населения, ресурсов для своего начала, чем иные политогенетические процессы, ведущие к образованию политических среднего уровня (типа простых вожеств и их аналогов), и в среднем даже больше, чем для образования аналогов ранних государств. Постепенно государствогенез становится ведущим, а затем и вообще доминирующим направлением политогенеза. Поэтому и создается впечатление, что политогенез и есть собственно процесс формирования государства как политического института. Однако это совсем не так.

Государствогенез не только «моложе» политогенеза. Даже когда появились первые ранние государства, политогенез никогда не сводился только к одной – государственной – линии. Напротив, таких линий было много, и государственная среди них была сначала исключением, а затем длительное время достаточно редким случаем. Мало того, само образование государств только в некоторых случаях происходило как бы прямым путем, то есть непосредственно от небольших догосударственных политий к примитивному государству (примером является государство зулусов, см.: Гринин, Коротаев 2009). В других случаях сначала образовывались аналоги раннего государства, а уже потом эти аналоги трансформировались в государство (примером здесь может служить гавайское государство, образовавшееся в конце XVIII – начале XIX в.). Первый путь можно называть вертикальным, второй – горизонтальным.

Р. Коэн прав в том, что к государству ведет множество путей (см. об этом также: Годинер 1991: 63; Hallpike 1986). Однако это множество путей заключается не только в том, что существует несколько моделей «вертикального» перехода к государству от более простых политических систем, а еще и в том, что к государству общество может перейти и «горизонтально», то есть уже от политической системы, сопоставимой по своей сложности с государством (то есть от аналога раннего государства к раннему государству [подробнее см.: Гринин, Коротаев 2009: 452–469]).

В соотношении политогенеза и государствогенеза нужно указать еще на одно обстоятельство. Циклы централизации и децентрализации государств, которые являются одними из самых важных исторических процессов в древней и средневековой истории (см., например: Usher 1989; Goldstone 1991; Chu, Lee 1994; Малков 2002, 2003, 2004: 118–139; Малков и др. 2000; 2002; Малков С. Ю., Малков А. С. 2000; Малков, Сергеев 2002, 2004а, 2004б; Малков и др. 2005; Неведов 2002а, 2002б, 2005; Komlos, Nefedov 2002; Turchin 2003, 2005а, 2005б; Nefedov 2004; Turchin, Korotayev 2006; Гринин 2001–2006, 2007б, 2007в; Неведов, Турчин 2007; Турчин 2007; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007), в каких-то случаях можно интерпретировать и как оппозицию государствогенеза и политогенеза (Гринин 2001–2006, 2007в). В самом деле, распад крупных (особенно незрелых) держав на мелкие части нередко приводил к появлению политий такого типа, которые нельзя отнести к государству по причине как их малого размера и слабости аппарата, так и неопределенности их суверенитета.

Поэтому неудивительно, что у исследователей порой возникают большие расхождения в том, как классифицировать политии таких децентрализованных

культурно-политических ареалов. Например, в доиспанской Мексике и Андах продукты распада ранних государств одни определяют как вождества, а другие – как малые государства или города-государства (Chabal *et al.* 2004: 50). Если же учитывать различия между процессами политогенеза и государствогенеза, проблема разрешается проще. Политогенез рождал разные политические формы, но развитие, как правило, через какое-то время вновь возвращалось на дорогу государствогенеза.

Исходя из нашей концепции, **политогенезом можно считать процесс выделения в обществе политической стороны как самостоятельной и частично автономной, процесс появления особых властных форм организации общества. Все это, естественно, связано с концентрацией власти и политической деятельности (как внутренней, так и внешней) в руках определенных групп или слоев.**

Здесь стоит остановиться на разнице в объеме содержания понятий **политогенез** и **политика**. Политика, особенно внешняя, намного древнее политогенеза, поскольку улаживать отношения с соседями и принимать решения, связанные с управлением, передачей лидерских функций и т. п., приходилось всегда (в некотором смысле «политика» есть даже у социальных высокоорганизованных животных; см., например: Дольник 2007). Но пока сообщества были небольшими, все это не выступало как особая институционализированная сфера деятельности, а значит, отсутствовала возможность для устойчивой профессионализации в области административной деятельности. И очень долго потребность в систематическом профессиональном управлении была слабой. Социумы не испытывали нужды в особой управляющей суперструктуре, обходясь иногда традиционной властью старшинства и авторитета, иногда сакрально-ритуальной властью, иногда неформальными политическими действиями членов общин, а иногда иными такого рода механизмами и их сочетаниями в самых разных комбинациях. Нередко даже ирригационные работы велись самостоятельно сельскими общинами без участия вождей или иных правителей надобщинного уровня (см., например: Родионов 1994; Claessen 2004: 79). Государственную власть вполне могло заменить, скажем, установление новых (и развитие старых) видов социальной стратификации.

Таким образом, **если рассматривать политогенез в ряду с другими современными ему макроэволюционными процессами, его следует считать одним из важнейших путей решения объективно вставшей эволюционной задачи: найти новые формы организации усложнившегося общества и отношений с другими обществами.** Но в каждом обществе в зависимости от множества причин главными на тех или иных этапах развития могли быть разные процессы (скажем, религиозные или разного типа стратификационные – в том числе и процессы имущественного расслоения). Иногда решающее значение мог иметь и политогенез. Но, по всей видимости, **длительное время (по крайней мере, до образования государств) в немалом числе случаев он играл подчиненную роль.** Да и сама политическая власть часто была производной от других форм организации общества и других видов власти, например, сакральной или

основанной на личных качествах руководителя, и только постепенно обретала самостоятельность.

Но для понимания эволюции позднепервобытного периода в целом и ее политической составляющей в частности исключительно важно иметь в виду рост объемов общества и усложнение межобщественных контактов. Ведь эти процессы неизбежно вызвали потребность в управлении, контроле, принятии норм, политических и административных решений³. И все это создавало объективную необходимость в институционализации политической власти. А увеличение роли войн как способа решения межобщественных проблем и способа концентрации и перераспределения ресурсов способствовало профессионализации военного дела. В результате этих изменений политогенез выделяется как особый, самостоятельный процесс, который при благоприятных условиях в некоторых случаях может стать ведущим в развитии общества.

Для перехода общества на новую стадию политогенеза нужны особые условия, а также катализаторы, то есть обстоятельства, которые хотя и не относятся прямо к политогенезу, но облегчают и ускоряют его ход. Такими условиями могут, например, выступать:

- появление очень большого прибавочного продукта (в доиндустриальных обществах это могло наблюдаться лишь в течение более или менее длительных периодов, вплоть до заполнения экологической ниши, расширенной в результате внедрения новых технологий⁴, однако как раз в эти промежутки нередко и происходили значимые политогенетические сдвиги);

- быстрый рост населения (см. комментарий к предыдущему пункту);

- участие в выгодной торговле и контроль над торговыми путями (сухопутными и морскими). Многие государства и иные сложные политии развились во многом именно благодаря такой деятельности, и с уходом торговли многие из них исчезали или хирели;

- появление выдающихся личностей в нужный момент;

- счастливый случай (например, удачная война) и т. п.

К числу катализаторов можно отнести:

- изменение социального окружения (появление богатого, более культурно развитого или опасного соседа, включение в сложную политическую и военную игру);

³ Впрочем, здесь надо отдавать себе отчет, что мы имеем дело с динамическим отношением между рассматриваемыми переменными, которое нельзя анализировать в простых категориях «причина – следствие», так как один процесс (например, рост размеров социальных систем) является одновременно и причиной, и следствием другого процесса (в данном случае процесса усложнения организации соответствующих систем). Действительно, рост размеров социальных систем создавал определенные стимулы к усложнению их организации. С другой стороны, усложнение структуры данной социальной системы, как правило, создавало определенные предпосылки и условия для роста размеров соответствующей социальной системы (которая, имея более низкий уровень сложности, не могла бы дорасти до соответствующего размера, не развалившись [Carneiro 1967, 1987b]). Представляется, что мы можем говорить здесь даже о механизме нелинейной положительной обратной связи между двумя рассматриваемыми переменными, что в долгосрочной тенденции должно было бы вести к их гиперболическому росту (отметим, что предварительное тестирование этой гипотезы дало положительные результаты [см. Гринин, Коротаев 2009: Гл. 3; см. также: Korotayev *et al.* 2006: 147–162]).

⁴ Так называемый эффект «мальтузианской ловушки» (см. подробнее, например: Коротаев 2006a; Artzrouni, Komlos 1985; Steinmann, Komlos 1988; Komlos, Artzrouni 1990; Steinmann *et al.* 1998; Wood 1998; Kögel, Prskawetz 2001).

- заимствование некоторых культурных/социальных элементов и систем (религии, развитых форм денежного обращения, письменности и т. п.);
- появление определенных технических, технологических или производственных новаций (например, металлургии/металлических орудий или верховых животных), что позволяет преодолеть потолок, задаваемый географической средой, или дает преимущества в военной сфере⁵.

Формирование новых форм неравенства⁶, отделение власти и управления от населения на разных стадиях и при разных вариантах политогенеза

Практически во всех догосударственных позднепервобытных обществах с течением времени наблюдается заметное развитие новых форм социального неравенства либо в чисто социальном плане (появление особых рангов, более или менее высокого статуса), либо в плане материальном (владение имуществом, участие в престижной экономике, количество жен и детей и т. п.), либо, чаще, в обоих планах одновременно. Но, естественно, это неравенство еще, как правило, не было антагонистично, поскольку сохранялись многие традиции эгалитарности и/или демократии. Если же говорить о чисто политических аспектах, то их существенное развитие было характерно далеко не для всех обществ. Однако во многих случаях **власть все же концентрируется у меньшинства и начинается ее отделение от основного населения**. Но это отделение обычно очень неполно, а сама власть пока слабо дифференцирована. Только ретроспективно угадывается выделение политической и административной власти из общих властных функций. Отделившаяся власть держится еще на стержнях, которые связаны с авторитетом религии, личным влиянием, родовитостью, силой традиции. *Поэтому власть в обществах этого уровня сложности остается больше согласительной (консенсуальной), чем принудительной⁷.*

На раннегосударственной стадии вместе с увеличением размеров обществ усиливается **необходимость закрепить и институционализировать новые ви-**

⁵ Например, каждое продвижение в использовании лошади могло влиять на подобные процессы. Появление боевых колесниц изменило военное дело. Появление конницы, а затем изобретение седла и стремян резко усилили военные и политические возможности кочевников. Изобретение хомута существенно изменило земледелие, а также транспорт.

⁶ Необходимо подчеркнуть, что в процессе политогенеза вообще и государствогенеза в частности, как правило, происходит не возникновение социального неравенства *ex nihilo*, а трансформация одних форм социального неравенства в другие либо вытеснение новыми формами социального неравенства старых. Действительно, выраженные формы социального неравенства могут развиваться уже у неспециализированных (и тем более специализированных) охотников-собирателей (см., например: Артемова 1987, 1989, 1991, 1993; Аверкиева 1978; Шнирельман 1986). С другой стороны, для несравненно более развитых социальных систем раннеземледельческого Ближнего и Среднего Востока (таких как Чатал-Хююк, Иерихон или Алтын-Депе) был характерен уровень социального неравенства даже несколько меньший, чем, скажем, для специализированных охотников-собирателей северо-западного побережья Америки, притом что социокультурное развитие в первом случае шло скорее через наращивание функциональной дифференциации, чем через усиление социального неравенства. Отметим, впрочем, что в тенденции (но только лишь в тенденции) общий уровень социального неравенства в процессе политогенеза (и в особенности в процессе государствогенеза) все-таки, как правило, растет.

⁷ Отметим, что никакого строгого тестирования этого утверждения, насколько нам известно, не проводилось, поэтому пока оно должно рассматриваться только как предварительная гипотеза.

ды неравенства, создать для этого особые общественные формы. В итоге возникает уже система отношений, институтов и идеологии, которая закрепляет новые формы неравенства и социальной стратификации. Принудительный характер власти постепенно становится все более и более заметным.

В результате активно формируется политическая подсистема общества, идет дифференциация видов власти, и в целом отделение власти от населения усиливается. Фактически в большинстве случаев власть реально отделяется от народа. В каких-то обществах это отделение временное, то есть население или его значительная часть еще обладает важными полномочиями, но делегирует их определенным лицам или семьям (так, народные собрания избирают правителей и магистратов). В других обществах это отделение власти имеет прочный, стабильный характер, то есть власть переходит к каким-то слоям (аристократии), корпорациям, родам, семьям или лицам окончательно (по крайней мере, в рамках соответствующей системы), и для этого создаются более или менее прочные идеологические и традиционные институты. Но само управление в таких обществах далеко не всегда переходит в руки особого слоя администраторов. Поэтому считаем важным подчеркнуть, что отделение власти и отделение управления – не полностью совпадающие процессы. И если в обществах раннегосударственной эпохи власть так или иначе уже отделяется от населения, то **процесс отделения от общества управления** в ранних государствах, по сути, только начинается. Лишь очень постепенно управление становится *особой функцией целой группы людей, организованных специально для ее выполнения*. Этот момент принципиально важен для понимания того обстоятельства, что для раннего государства не является обязательным наличие особого развитого аппарата управления.

Усложнение обществ неизбежно связано и с усложнением отношений между ними. А это делает войны и в целом внешнюю политику (а нередко и вообще внешние сношения, включая торговлю) делом прежде всего элиты, что усиливает новые формы неравенства и способствует новой структуризации обществ.

Политическая и другие виды власти

Любой вид накопления и концентрации ресурсов так или иначе связан с **накоплением и концентрацией власти**. Поэтому власть может концентрироваться не только в политической, но и в иных сферах: прежде всего в экономической и духовной. И очень долгое время полного разделения видов власти могло не происходить. На основании сказанного один из авторов монографии сформулировал следующее положение: *чем яснее отделяется власть от общества, чем прочнее она надстраивается над обществом и чем шире ее функции, тем заметнее в этой власти ее политическая и управленческая составляющие; тем заметнее эта верховная власть становится властью политической* (см.: Гринин 2007в: 106–107). Естественно, что какие-то моменты сочетаются с концентрацией политической власти, а какие-то ей противоречат⁸.

---

⁸ Например, без концентрации населения она затруднена, так как природные и технические ограничения не позволяют эффективно управлять на расстоянии. Поэтому «существует предел раз-

Таким образом, по мере роста общего уровня неравенства и необходимости его поддерживать, развития специализации, усложнения или обострения межобщественных отношений **идет процесс выделения политической стороны власти и отпочкования от власти вообще собственно политической власти**. И хотя «всегда была какая-то степень централизации решений во всех человеческих культурах» (Crumley 2001), описанная выше политическая власть вызревала очень долго.

В дифференциации видов власти, за которыми стояли те или иные элиты, большую роль играла их конкуренция. Соперничество богатства (то есть экономической власти) и политической власти, духовных и военных лидеров, родовитости и личной преданности, традиции и новации легко увидеть в ранней истории многих обществ. Мы считаем, что в целом для земледельческих обществ полная дифференциация видов власти нехарактерна, чаще встречается какой-то устойчивый симбиоз, когда политическая власть неразрывно спаяна с другими ее видами, например, с сакральной; военной; с особыми правами определенных групп родов и семей на какую-то деятельность или должности; с имущественной властью, особенно с правами на землю или на торговые монополии; с властью авторитета, в частности с родовитостью и знатностью; с социальной властью (в виде жесткого деления на определенные социальные слои или касты); возможностью опираться на поддержку определенных корпораций, групп или территорий и т. п. Такой симбиоз является более прочным, чем чисто политическая власть, подобно тому как чистая медь уступает по прочности ее сплаву с оловом – бронзе⁹. Но во всех таких симбиотических «сплавах» постепенно все же на первое место выходит именно управленческо-контрольная сторона.

ДОГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭПОХА ПОЛИТОГЕНЕЗА

Предварительные замечания. Проблема термина «племя»

В данном параграфе речь идет о **стадиально (принципиально) догосударственных формах**, то есть образованиях с социально-политической сложностью не выше простых вождеств, сравнительно небольших самоуправляемых (или имеющих автократического правителя) городских общин, крупных сельских общин с какими-то органами управления, племен или крупных кланов (и их первичных конфедераций), коллективов, возглавляемых авторитетными людьми (например, бигменами), примитивных полисов (гражданских общин) и т. п. Иными словами, речь идет об общественно-политических формах, которые никак не сравнимы с государством ни по сложности, ни по размерам, ни по выполняемым функциям.

Средняя численность населения обществ данной стадии колеблется очень сильно: от нескольких сотен человек до нескольких десятков тысяч. Однако более или менее централизованные или компактные образования типа простых (не

меров территории, над которой вождь может сохранять эффективный контроль» (Spencer 2000: 155).

⁹ Выделение политической власти в чистом виде доходит до завершения только в современности в развитых демократиях, а в древности политическая власть в относительно чистом виде существовала только в небольших демократических полисах.

слишком крупных) вожеств, небольших гражданско-храмовых общин и т. п. по населению располагаются в менее разбросанном интервале – от нескольких сотен человек до нескольких тысяч. Например, вожества Новой Каледонии к середине XIX в. насчитывали от 500 до 2000 человек (Шнирельман 1988: 200). А. Джонсон и Т. Ёрл описывают как типичные простые тробрианские вожества, население каждого из которых было в районе 1 тыс. человек (Johnson, Earle 2000: 267–279). Таким образом, можно исходить из оценки Т. Ёрла, что население вожества в пределах централизованной региональной структуры – это тысячи человек (Earle 1987). Думается, что десять тысяч – уже самый верхний предел, даже достижение которого, а тем более выход за него, очень редко возможен для простого вожества¹⁰. Территория также не могла быть слишком большой. Некоторые даже считают, что наиболее подходящие размеры для такого образования – это территория с радиусом в полдня пути от центрального поселения (Spencer 2000: 155–156). Конечно, размеры зависят и от транспортных возможностей (одно дело – пешая ходьба, иное – конный транспорт; поэтому у скотоводов-кочевников, имевших довольно низкую плотность населения, но обеспеченных, как правило, верховыми животными, территориальные размеры простых вожеств были несравненно больше, чем у оседлых земледельцев).

Население же рыхлых образований вроде нецентрализованного племени или группы этнически родственных племен, не имеющих общей политической организации, но тесно контактирующих между собой, могло достигать нескольких десятков тысяч человек (и даже больше). Иногда при большой войне, крупном переселении и других переломных обстоятельствах они могли образовывать временную политическую конфедерацию, но обычно непрочную. Относительно же оформленные «политические» сегменты таких общностей – племена, кланы – включают в себя не больше нескольких тысяч человек, а обычно намного меньше.

Стоит остановиться на очень нечетком содержании понятия «племя». С одной стороны, все еще «удерживается – явно или неявно – отношение к племенным образованиям как к определенному, однородному и единообразному типу социальной организации» (Следзевский 1991: 27). А с другой – все больше исследователей отмечают, насколько неоднозначно толкуется термин «племя» (см. об этом, например: Helm 1967; Fried 1967b, 1975; Бромлей 1982; Шнирельман 1982; Ги-ренко 1991; Следзевский 1991; Куббель 1988б; Ольдерогге 1977; Тишков 1990; п'Битек 1979: 27–32; Коротаев 2006: 18, 114–120; Гринин 2007в). И это создает значительное противоречие между имплицитно предполагаемым смыслом и накопившимся в науке материалом. Уже с самого начала этнографических описаний повелось, что племенем часто называли и небольшую группу в десять-двадцать человек (то, что сегодня обозначают как локальную группу, состав которой каждый сезон может меняться, но временно во главе ее стоит признанный остальными руководитель, которого и принимали за вождя), и сообщество

¹⁰ Ю. Е. Березкин замечает, что доиспанские вожества в Латинской Америке демографически были близки к населению одного из современных департаментов в горной Гватемале, которое составляло 8 тыс. человек (Berezkin 1995: 76). То есть они были уже весьма крупными и приближались к указанному пределу.

в сотни и тысячи людей. А историки называли племенем крупные негосударственные народы в сотни тысяч и миллионы человек. В результате термином «племя» обозначают, с одной стороны, политии (и при этом более чем одного типа), а с другой стороны, некоторые типы этнических групп. В связи с этим Б. Малиновский даже предлагал различать *tribes-nations* (то есть племена как этнические объединения, которые могут и не иметь абсолютно никакого политического единства) и *tribes-states* (то есть племена как политические единицы, политии) (Malinowski 1947: 252–261). «Таким образом, термин “племя” довольно рано получил двоякий смысл» (Шнирельман 1982: 209).

Проблема усложняется многими обстоятельствами. Во-первых, как мы уже упоминали, понятие «племя» одновременно используется и в политическом, и в этническом смысле (см. об этом также: Бромлей 1982; Fried 1967b). При этом в политическом аспекте уже давно выработано представление о племени как о какой-то группе во главе с определенным политическим лидером (которого, однако, не всегда возможно или оправданно обозначать как вождя). В то же время этнически родственные группы могут иметь общее племенное название, общую территорию и даже общее самосознание, то есть все три признака, которые считаются присущими племени (хотя в конкретных случаях те или иные признаки могут отсутствовать [см., например: Шнирельман 1982]), но не иметь никаких надплеменных органов, никаких особых людей над племенем, никакой централизации. Например, Э. Э. Эванс-Причард (1985) описывает племена нуэров, у которых нет вождей, нет практически никакой политической организации (если не считать возрастных классов и некоторых подобных институтов), в обычное время полностью разобщенных, хотя они также могли объединяться для организации военного набега. Однако он указывает на моральное обязательство объединяться для ведения войны и улаживать споры внутри племени путем посредничества. А это можно считать уже высоким уровнем самосознания. Зато австралийские протоплемена объединяются в основном только для совместного совершения обрядов и празднеств. Поэтому такие «племена» нередко называют соплеменностями, «максимальной общиной». Характеризующиеся более высоким уровнем социокультурной сложности новогвинейские племена чимбу описываются как более или менее *временный* союз соседних родов, то есть как нечто непостоянное (Шнирельман 1982: 227).

Во-вторых, то, что называют племенем в более развитом догосударственном обществе, часто является политически организованным сообществом, которое имеет советы, политических лидеров, достаточно строгую организацию. Классическим примером являются племена ирокезов, описанные Л. Г. Морганом (1983 [1851])¹¹. Наконец, племенами часто (особенно в исторической традиции) называют крупные догосударственные (или аналоговые государству) союзы типа земледельческих германских (франков, готов), кельтских (эдуев, гельветов) или кочевых (гуннов, аваров) союзов, которые имели большую численность, сложное

¹¹ В то же время этнически близкие общины часто разделяются политически, будучи объединены под главенством отдельных вождей в вождества. Это могут быть как примитивные вождества (типа новозеландских), так и более крупные социально стратифицированные вождества некоторых архипелагов Полинезии.

устройство, сложную иерархию лидеров или иных органов управления (о некоторых из них см.: Гринин, Коротаев 2009: 429–451).

В-третьих, различаются также племена догосударственные и существующие в рамках государства как часть его политической системы. О последних, например, У. Айронс пишет: «Для меня “племя” – это группа людей с общим названием, собственной политической организацией, что позволяет группе поддерживать внутренний порядок и организовываться в собственных военных целях, отдельно от государства» (Irons 2004: 473).

В-четвертых, племя нередко рассматривают как некий уровень развития, как особую эволюционную универсальную форму, через которую проходят социумы в своем развитии. Вместе с тем здесь наблюдается много вариаций. Традиционный подход рассматривает племя как промежуточную стадию. Правда, одни считают его звеном между локальными группами охотников-собирателей и вождеством, а другие – между локальными группами и государством (см., например: Cohen, Schlegel 1967). Иной подход подразумевает, что племя и вождество эволюционно находятся примерно на одном уровне развития. Поэтому племя можно рассматривать как альтернативу вождеству (см., например: Коротаев 2000а, 2000б, 2006а) или даже его «инобытие» (см., например: Белков 1991: 40–41) и т. п. Ранее мы уже высказывали нашу точку зрения на эту проблему, базирующуюся на том, что племя в раннеаграрных среднесложных обществах вполне может рассматриваться как аналог вождества (см.: Гринин, Коротаев 2009). Словом, вариаций очень много в зависимости от уровня развития, географических условий и других вещей, например, влияния более культурных соседей. М. Фрид, например, высказывал точку зрения (воспринятую многими антропологами), что классические племена (со стройной организацией и иерархическим управлением во главе с вождем) являются «вторичными», то есть они возникали уже в результате влияния европейцев на «первобытную» периферию (Fried 1975).

Существенно усложняет ситуацию и многозначность понятия «вождь», которым часто обозначают любое лицо, обладающее правом управления. «В это число включаются те, кто управляет клановым подразделением, деревней, всем кланом. Между тем природа их власти принципиально отличается от власти, получаемой путем избрания» (Томановская 1977: 112). В первом случае это, скорее, просто авторитет, приобретаемый за счет старшинства, во втором – уже политическая власть над низовыми структурами.

Общее направление развития в догосударственной фазе политогенеза

Существует сложная динамика соотношения политогенеза и других линий усложнения позднепервобытных обществ. Но следует учитывать, что в каждом обществе все его сферы не могут изменяться с одной скоростью. Напротив, в каких-то из них происходят очень значительные перемены, а в каких-то – сравнительно небольшие. И отставшая подсистема порой подтягивается очень

долго, а то и никогда не догоняет более развитую. Таким образом, даже находясь на одинаковых этапах этой фазы, общества могут существенно уступать друг другу в политическом, социальном или культурном развитии. Поэтому важно подчеркнуть, что заметное выделение политической сферы в ту эпоху было хотя и нередким, однако вовсе не обязательным явлением. Но даже там, где политогенез задерживался, в социумах, тем не менее, в большинстве случаев шла выработка механизмов принятия общих решений, росла роль войн и торговли, и в результате усложнения общественной структуры увеличивалась потребность в развитии политической сферы.

Но в любом случае достаточно универсальной чертой развития обществ этой фазы эволюции можно считать появление и оформление новых видов социального неравенства и выработку первичных механизмов его закрепления.

Это выражалось, в частности, в следующем.

Во-первых, в переходе от относительной эгалитарности или разных видов первобытного социального неравенства (см., например: Артемова 1987, 1989, 1991, 1993) к неравенству, оформленному уже на новых социальных началах¹². Это означает, что очень по-разному, но происходит выделение элит или новых элит. Возникают разные новые виды и линии социального неравенства, в том числе по признакам родovitости, богатства, должности, статусу, квалификации или способности использовать для своих целей общественные ресурсы и возможности. Появляются рабы и неполноправные. Отметим, что процесс этот крайне сложный и неоднолинейный, так как, с одной стороны, рабство и неполноправие могут достигать достаточно развитых форм уже среди специализированных охотников-собирателей (см., например: Аверкиева 1978а; Шнирельман 1986), а с другой стороны, они могут оставаться в зачаточном состоянии даже через много тысяч лет после перехода к земледелию (как это наблюдалось среди большинства групп папуасов Новой Гвинеи [см., например: Бутинов 1968, 1980, 1995, 2000]).

Во-вторых, наблюдается тенденция к аккумуляции и новому перераспределению прибавочного продукта на общие пиры, работы и постройки, содержание руководителей и жрецов, войны. Значительная часть прибавочного продукта идет в центр (например, вождю) и элите. Усиливается значение дани и военного грабежа. Расцветает престижная экономика, для функционирования которой требуются усилия выдающихся людей или администраторов.

В-третьих, наблюдается тенденция к росту общественного разделения труда, которая выражается в появлении полупрофессиональных или профессиональных управителей, воинов, жрецов, древних «интеллектуалов», ремесленников, торговцев, слуг. Углубляется и межобщественное разделение труда.

Среди указанных направлений развития можно выделить и политические аспекты, тесно связанные с другими.

¹² Используя терминологию Мортон Фрида, можно было бы сказать, что шел процесс перехода от эгалитарных обществ к ранжированным, то есть от социумов, в которых нет изначальных социальных ограничений для получения определенного статуса среди людей одного возраста и пола, к таким социальным системам, в которых такие ограничения есть, хотя они еще не ведут к ограничению доступа к наиболее важным ресурсам общества (см.: Fried 1967a: 33, 109, 186).

В целом в этой фазе начинается отделение власти от основного населения и отпочкование политической власти от иных ее видов. При этом роль накопления богатства, престижных товаров и торговли в развитии политических структур была велика (Earle 1997; Ekholm 1977; Webb 1975; Sahlins 1972b), хотя значение военных и религиозных факторов могло быть еще выше. Ведь во внешних сношениях и самые отсталые социумы вынуждены были играть по политическим правилам. Здесь стоит сказать немного о войнах в период до образования государства и о взглядах на этот вопрос. Вооруженные столкновения между различными группами, по-видимому, столь же стары, как и существование обществ, хотя вопрос о том, можно ли называть такие стычки охотников и собирателей между собой войнами, является дискуссионным, так же как, впрочем, и вопрос о причинах первобытных войн (см., например: Harris 1991; Lorenz 1966; Brown 1987; Keeley 1996; Лоренц 1994). Но хотя споры о том, были ли первобытные общества (по сравнению с цивилизованными) более мирными или, напротив, более агрессивными, являлись ли первобытные войны вполне реальными и достаточно кровопролитными или в основном ритуальными, все еще имеют место (анализ взглядов см., например: Keeley 1996), все же представляется вполне правдоподобным, что в целом (в тенденции) войны среди охотников-собирателей были несколько более редким явлением (см., например: Коротаяев, Комарова, Халтурина 2007: 121–168; Гринин 2007e), а у ряда народов, в частности у некоторых групп эскимосов, андаманцев и др., по мнению некоторых авторов, отсутствовали вовсе (Lesser 1968: 94). Говоря словами М. Харриса, любой антрополог может перечислить добрую дюжину «первобытных народов», о которых сообщается, что они никогда не вели войн (Harris 1991)¹³. Правда, «миролюбивых» народов среди охотников и собирателей также было меньшинство, а большинство охотников и собирателей, известных современным наблюдателям, практиковали определенные формы вооруженных межгрупповых столкновений, в которых отряды воинов сознательно пытались убить друг друга. В. Дивале, в частности, выделил 37 таких групп (см.: Harris 1991). И все же среди «цивилизованных» народов вряд ли удастся назвать хотя бы три общества, о которых можно сказать, что они никогда не вели войн.

Мы полагаем, что в процессе первичного политогенеза, с образованием и развитием земледельческих и скотоводческих обществ, роль войн выросла уже по причине увеличения населения (и его плотности), а также из-за появления большего количества ресурсов, которые можно было захватывать во время войн. Общеизвестна роль войн в процессе образования вождеств и их укрупнения. Существует подтвержденная эмпирическими тестами гипотеза, согласно которой общества, в которых население имеет больший уровень политического участия, воюют между собой реже, чем те, где население имеет меньший уровень политического участия (см., например: Ember *at al.* 1992). Если эта гипотеза успешно пройдет и дальнейшие эмпирические тесты, то это только дополни-

¹³ Также наблюдается взаимосвязь между экстремальными условиями существования и низким уровнем агрессивности (см.: Казанков 2002). Поэтому бродячие охотники и собиратели, которые живут в экстремальных условиях, относятся к относительно миролюбивым обществам.

тельно подтвердит вышесказанное, поскольку в вождествах политическое участие населения в выработке решений ниже, чем в локальных группах охотников-собирателей. С другой стороны, существует и имеющее определенные основания мнение, что именно в период так называемой военной демократии интенсивность войн возрастает (а военная демократия предполагает достаточно широкое участие населения в политике).

Так или иначе, но во многих случаях войны становились непрерывными¹⁴. А вместе с этим нередко развивались военный грабеж и эксплуатация побежденных, разнообразные военно-политические союзы и конфедерации. Развитие политической подсистемы обществ, с одной стороны, обуславливалось интеграцией обществ, с другой – само способствовало их интеграции. А так как размеры политий в тенденции росли, новые уровни интеграции вели к централизации или по крайней мере объединению людей в политических акциях (Earle 2001: 105). Рост интеграции также обострял борьбу за роль центра, что всегда являлось важнейшим источником политического развития, распадов и объединений.

Но все же отделение власти еще не есть отделение управления. И фактически устойчивость власти в большинстве политий зависела от опоры на силу религии, магии, традиции, авторитета, поддержку родовых групп, личные способности. Все это и определяло главные механизмы власти. Как таковой какой-либо административный аппарат отсутствовал¹⁵. Могли быть, конечно, небольшие частные или вождеские дружины, но они, как правило, создавались для нападения на соседей и грабежей, а не для господства над соплеменниками.

Пути политогенеза в догосударственную эпоху

В зависимости от плодородия почв, изобилия хозяйства в целом и развития новых форм неравенства можно говорить о *разных* путях отпочкования политогенеза от общих процессов (подробнее см.: Гринин 2001, 2001–2006, 2007*а*).

1. В некоторых случаях на плодородных почвах даже примитивное земледелие в потенции могло давать в течение значительных промежутков времени (вплоть до достаточно полного заполнения экологической ниши) очень большие объемы прибавочного продукта. Тогда нередко возникала необходимость найти эффективные способы его аккумуляции и распределения, а иногда (в зависимости от сельскохозяйственной технологии) и контроля над производством или прямого управления им. В этом случае легче выделяется организаторская сторона, поскольку на данный процесс оказывает сильное влияние производственная необходимость, и в то же время меньше потребности в поиске богатства на стороне,

¹⁴ Этому могло способствовать, по мысли К. Р. Холлпайка, то, что варварские общества, порой вовлекаясь в военные действия, не всегда способны остановиться. Ведь, не имея центрального правительства, они не могут договориться о прекращении борьбы, поскольку для любой группы прекратить защищать себя означало бы самоубийство (см.: Keeley 1996). Действительно, например, длительная, продолжающаяся десятилетиями кровная месть между родовыми группами также не всегда может быть прекращена, в нее проще быть вовлеченным, чем выйти из этой ситуации.

¹⁵ Редким исключением могли быть, как нам кажется, ситуации, когда в рамках какой-либо организации, особенно храмовой, имелся некоторый штат, необходимый для учета и контроля. Возможно, некое подобие аппарата (в виде штата домашних слуг или рабов) иногда имелось в крупных хозяйствах. Но это был в любом случае не политический аппарат.

за пределами общества. По крайней мере, немало исследователей делают упор именно на экономической стороне деятельности вождей (см., например: Earle 1997; Sahlins 1972*a*, 1972*b*; Wittfogel 1957; Claessen 2004: 76–77). Правда, часть этих политий относится уже к обществам, которые следует рассматривать скорее как аналоги ранних государств, чем как догосударственные политии (см.: Гринин 2007*e*). Здесь, однако, надо иметь в виду, что само производство прибавочного продукта не всегда было причиной, но нередко скорее следствием процессов роста политической централизации и социальной стратификации (см., например: Коротаев 1991*a*; Гринин 2001–2006, 2007*e*). По-видимому, и здесь мы в реальности имеем дело с динамическим отношением, а возможно, и с нелинейной положительной обратной связью между соответствующими переменными.

2. Иногда в случае появления достаточного объема прибавочного продукта и сложения особой системы религии (идеологии) в роли организаторов интеграции обществ и аккумуляции прибавочного продукта выступают служители культа. Тогда управленческая сторона выделяется как добавочная к обслуживанию интересов религиозных лидеров и корпораций. В каких-то обществах в роли «зачинщиков» отделения политических аспектов могли выступать иной раз тайные союзы, создаваемые нередко с целью найти возможность оторваться от общинно-родовых традиций и защититься от их давления более состоятельную или более неконформистскую часть населения (см., например: Новожилова 2000; Белков 1993: 94–97; Куббель 1988*a*: 241).

3. Начало политогенеза может быть связано с поиском внешних источников богатства. Неорганизованная внешняя эксплуатация очень характерна для первой стадии политогенеза¹⁶. А поскольку война всегда связана с определенной иерархией и необходимостью командовать и подчиняться, равно как и с неизбежным проявлением личной инициативы, она способствует развитию политогенеза и военной элиты.

4. Несельскохозяйственная деятельность: торговля, ремесло, мореплавание – может способствовать особому типу политогенеза. Так, торговля часто обеспечивала вождя необходимым богатством, что позволяло ему привлекать сторонников (Webb 1975).

В торгово-ремесленных обществах значительно сильнее продвигается процесс специализации, а это означает, что потребность в механизмах горизонтальных связей усиливается. Будет ли таким механизмом рынок, престижная экономика, система корпораций или что-то иное – в любом случае идет выраженное структурирование общества и развитие прежних или появление новых форм социальной стратификации и функциональной дифференциации. Торговля и ремесло неизбежно требуют самоуправления, выработки более или менее ясных

---

¹⁶ Но, разумеется, сами по себе войны не всегда ведут к качественному развитию, а могут быть просто образом жизни и средством «регулирования» численности населения. Так было, скажем, у папуасов нагорья Новой Гвинеи, которые за тысячи лет не сумели сделать качественный рывок от простого аграрного общества к сложному (и даже среднесложному) аграрно-ремесленному, от простых независимых общин к уровню хотя бы простых вожеств (см., например: Бутинов 1968, 1980, 1995, 2000).

правил принятия и исполнения решений. Кроме того, в торгово-ремесленных поселениях, как правило, выше концентрация населения, что облегчает организацию управления и нередко способствует отделению политической стороны от других. Наконец, торговля дает богатства, которые требуется защищать. А это может сильно сплачивать население.

Мореплавание резко увеличивает число контактов и их плотность. В среде морских народов часто возникают корпорации и формируются вооруженные отряды, которые могут явиться ядром политических процессов (при захвате, переселении, приглашении на службу и т. п.). Стоит отметить, что естественно ограниченная территория заметно облегчает подчинение острова, особенно небольшого, единой власти.

5. Политогенез, который можно назвать вынужденным, связан с экстраординарной ситуацией. Речь идет об обороне от агрессии, переселении и т. п.¹⁷ В этих случаях часто ломаются традиции и принимаются жесткие решения. Политогенез подталкивается нуждой и становится способом выживания всего общества.

РАННЕГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭПОХА ПОЛИТОГЕНЕЗА

Достигая определенных размеров и социокультурной сложности, с которых переход к государству в принципе уже возможен, общество может продолжать развиваться, но при этом долго не создавать раннегосударственную политическую форму (см.: Гринин, Коротаев 2009: 429–469). В частности, в социуме может быть очень высоким уровень социальной стратификации, но отсутствовать государственность. Известно множество примеров политий, которые по политическому устройству, структуре власти и управления существенно отличаются от раннего государства, однако вполне сопоставимы с ним по сложности организации, решаемых задач и выполняемых функций. Эти альтернативные раннему государству формы были названы **аналогами** раннего государства. По всем характеристикам их вполне можно считать находящимися на одном уровне социокультурного развития с раннегосударственными обществами (см.: Коротаев и др. 2000; Гринин 2007а; Grinin 2003).

Общие и политические процессы раннегосударственной эпохи

Прежде всего отметим, что размеры и населенность обществ на данной стадии по сравнению с догосударственной эпохой возрастают на порядок-два. Численность населения политий колеблется в амплитуде от нескольких тысяч до нескольких сотен тысяч человек. А в конце этой стадии некоторые ранние государства (например, империя инков) могли насчитывать миллионы человек. Ранние государства благодаря новым способам управления оказались потенциально

---

¹⁷ Одним из вариантов такого развития является ситуация, проанализированная Р. Л. Карнейро: демографическое давление (в условиях средовых или социальных ограничений миграции вовне) и как следствие нехватка земли и ресурсов и интенсификация войн за них (см., например: Carneiro 1970; Карнейро 2006).

способными объединить в рамках единой политики существенно больше населения, чем аналоги ранних государств.

Длительное время и в период государственной эпохи политогенеза, то есть во многих зачаточных и даже типичных ранних государствах (а также в определенном типе их аналогов), оставалась объективной проблема (эволюционная «задача»), как **сделать поддержание новых форм неравенства и функциональной дифференциации достаточно устойчивым и легко воспроизводимым**. Противоречия проистекали уже из того, что сам переход к государству и его развитие требовали достаточной гибкости, изменчивости, развития. А в традиционных обществах «святость» той или иной формы неравенства проистекает в значительной мере из ее неизменности, нерушимости. Чем древнее институт, чем меньше подвергся он изменениям, тем легче он воспринимается как справедливый и обязательный. Между тем молодая государственная власть очень часто должна была бороться с аристократизмом элиты, брать себе в помощь всякого рода людей (в том числе и с очень низким статусом – вплоть до рабов), что, естественно, меняло основания неравенства, устоявшуюся иерархию и функциональную дифференциацию (подробнее о такого рода направлениях изменений в ранних государствах см.: Гринин 2007б; Grinin 2003)¹⁸. Конфликты или противостояния между правителем и его родом также были обычным явлением. Подобно франкскому королю Хлодвигу, усилившиеся правители порой уничтожали своих родственников поголовно. Естественно, это сильно подрывало старые традиции, а новые еще должны были устояться. Но даже при простом оттеснении родственников с первых ролей в управлении правитель должен был заменить критерий аристократизма и близости к родственной линии вождя новым критерием преданности. Так, по словам Т. Барфилда, Чингисхан поставил лично преданную ему новую и разноплеменную элиту над собственной семьей, в результате чего монгольская военная организация стала не кульминацией раз-

¹⁸ См. о роли царских слуг в управлении в Египте в Древнем царстве: Janssen 1978: 223. Роль слуг была заметной повсеместно. Хозяйствами древнерусских и первых московских князей обычно управляли особые холопы, дворские, которые также выполняли различные государственные и политические поручения (см., например: Платонов 1994: 129). В королевстве Ойо в Африке рабы-иноплеменники держали в своих руках большинство ключевых позиций в столице и провинциях (Кочакова 1986: 255). Для Тропической Африки в период трансатлантической работорговли рабы вообще стали играть исключительно важную роль. Они и зависимые люди часто составляли охрану и особые войска. В частности, «резервом для формирования царских дружин в раннефеодальных государствах Африки были домашние рабы», иногда включавшиеся в состав войска тысячами. Нередко они выполняли также и полицейские функции (Кобищанов 1974: 168–169; см. также: Годинер 1982: 94–96; Киселев 1985: 98–102; Орлова, Львова 1978: 253). В свою очередь, новая элита стремилась обзавестись зависимыми людьми, что достигалось нередко за счет невольников и захваченных в плен (см.: Киселев 1985: 101–102; Куббель 1976: 107–108). Это было распространено и в Киевской Руси (см., например: Ключевский 1937; Фроянов 1999). Можно вспомнить также, что аббасидские (а затем фатимидские) халифы комплектовали свои войска из иноземных рабов-гулямов (затем ставших чаще обозначаться как мамлюки), которые впоследствии захватили власть и стали правящим квазисословием в целом ряде стран Ближнего Востока (см., например: ‘Абд ад-Дайим абд ал-Азиз 1996: 29–43; ‘Ашур С. 1959: 9–25; 1965: 1–22; ‘Ашур Ф. 1995; Бадави 1996; Заклама 1995: 17–49; Кадырбаев 2006; Касим 1998: 11–24; Семенова 1995: 239; Ayalon 1981: 46–50; 1987; 1994: 1–39; Goldschmidt 1994: 178–179). В книге Ф. Рено и С. Даже (1991: 46–48) описаны различные случаи использования рабов в качестве воинов. Например, султан Исмаил в Марокко в годы своего правления (1672–1727) создал из них огромную «черную» армию численностью в 150 тыс. человек. При этом армия фактически обеспечивала свое демографическое воспроизводство, поскольку солдаты женились на соплеменницах, а рожденные мальчики заранее предназначались для военной службы (Там же: 46).

вития степной традиции, а отклонением от нее (см.: Barfield 1992: 197; Крадин, Скрынникова 2006: 457–458).

Однако в любом случае поддержание различных форм неравенства должно было сочетаться с обеспечением внешней безопасности (или достижением военного превосходства над соседями). Внутренние и внешние отношения нередко подкрепляли друг друга. Обязанность защищать свой социум давала элите мощное обоснование для своего особого положения, а основное население, как правило, из двух зол предпочитало меньшее, то есть своих эксплуататоров чужим. И то и другое неизбежно усиливало политическую сферу.

Постепенно из отношений, поддерживающих сложившиеся и складывающиеся новые формы неравенства, вырастает первичная **система** институтов, идеологии и традиций, которая в конце концов окончательно закрепляет это неравенство. Точнее говоря, возникают разные системы, имеющие общее в том, что они направлены на институционализацию тех или иных форм неравенства, которое в каждом обществе могло иметь свои значимые особенности и специфические формы (об этих формах см., например: Семенов 1997). В некоторых (более редких) случаях права и преимущества закреплялись только в отдельных отношениях, например, в доступе к управлению, в других они одновременно закреплялись в разных отношениях (например, имущественных и статусных), а в третьих шли по всем линиям: имущественной, статусной, правовой, сакральной, линии участия в управлении и др. Так или иначе, в обеспечении неравенства происходили следующие изменения:

а) перераспределение должно теперь устойчиво направлять излишек (а то и часть необходимого продукта) в пользу элиты и на нужды управления, храмов, на войны и прочее; соответственно идет формирование новых источников дохода властных структур и/или знати;

б) структура общества, как правило, приобретает более выраженный стратифицированный вид. Оно уже ясно делится на элиту и простонародье, также возникают заметные промежуточные группы, а также группы, находящиеся ниже обычного статуса простолюдина (рабы и прочие неполноправные);

в) помимо развития ремесла и торговли, общественное разделение труда ясно проявляется в том, что управление, многие сакральные виды деятельности, определенные специализированные виды культурной активности, а также военная сфера частично или полностью монополизируются;

г) возрастает роль идеологии, например, значение родословных, развивается архаизация генеалогий, то есть искусственное их удревление (о Греции см., например: Курбатов 2006: 115). Те Ранги Хироа (1959: 109) говорит по этому поводу, что генеалогии не играли большой роли до тех пор, пока не началось расслоение общества и вожди не испытали потребности укрепить свое положение при помощи длинных родословных. Когда же такая потребность возникла, с нею вместе появились и поддельные генеалогии¹⁹;

¹⁹ Отметим, впрочем, что не во всех архаических обществах сверхглубокие генеалогии были обязательно поддельными. Научные проверки иногда демонстрируют удивительную аутентичность части этих генеалогий при вызывающей поддельности некоторых других (ср., например: Коротаев 2006б: 121–124; Robin, Gajda 1994).

д) помимо того, что усиливаются идеологические обоснования сверхсакрализации правителя (см.: Claessen 1981; Muller 1981; Claessen, Oosten 1996a, 1996b), также возрастает ритуальная сторона процесса, сложность церемониала, а в ряде случаев контакты правителя с народом становятся крайне затрудненными (см., например, разнообразные варианты этого в Африке: Claessen, Oosten 1996a, 1996b). В любом случае церемониальная, ритуальная или иные стороны общения верховных правителей и народа, правителя и элиты принимают особые формы (иногда и показательно демократические). В ряде обществ возникает и особая идеология, подчеркивающая всяческие положительные отличия аристократии от простонародья как благородных происхождением и духом, совершенных характером людей, имеющих совсем отличные от народа ценности и интересы (см., например, о Древней Греции: Курбатов 2006).

В отношении политическом изменения связаны с тем, что отделение власти усиливается и окончательно закрепляется, а отсечение каких-то групп и слоев от доступа к власти становится жестче. Начинается выделение из властных функций административной и некоторых других (внешнеполитической, военной, судебной) функций, хотя такая дифференциация идет очень долго. Во многих случаях семья (род, линидж) правителя приобретает совершенно особый и не сравнимый ни с каким иным статус (см., например: Claessen 1981; Muller 1981). Идет мощная интеграция, поэтому военно-политические союзы, конфедерации, различные объединения и договоры становятся нормой.

Таким образом, роль политической сферы существенно возрастает. И все же политическая власть еще полностью не оторвалась от других видов власти. Особенно это заметно в аналогах раннего государства. Поэтому управление только в части политий стало сферой деятельности некоей группы (слоя), реже – особого аппарата, частично или полностью специализирующихся на управлении. Но и в этом случае политической власти еще требуются крепкие подпорки (в виде института сакральности правителя; наличия ранней сословности; особой системы и идеологии родовитости, а также основанных на них собственности и богатства). Поэтому власть часто не может просто диктовать, а нуждается в согласительных процедурах, поиске консенсуса, консультациях и т. п. если не во всем обществе, то в той группе населения, которая при необходимости составляет войско социума или его наиболее ударные военные части, либо по крайней мере в верхней страте, местных правящих кланах, клане правителя (обычно весьма большом).

Значение указанных подпорок постепенно (хотя и медленно) все же уменьшается, а роль чисто управленческой и/или силовой стороны увеличивается. В тех же случаях, когда политогенез идет в направлении от наличия единоличной власти правителя к той или иной форме демократии (как это было в Афинах, других греческих полисах, Риме, Карфагене), растет роль правовых и процедурных сторон выделения политической власти (о демократическом варианте политогенеза см. подробнее: Гринин 2006б, 2007б; Grinin 2004a, 2004b).

Соотношение политогенеза и других процессов

Анализ изменений, которые совершались в политической, социальной и других сферах различных обществ в течение догосударственного и раннегосударственного периодов, дает основания для следующих выводов: а) указанные изменения разных сфер можно увидеть практически в любом обществе, б) но величина, значимость и пропорции этих изменений исключительно разнообразны, в) это и создает огромное множество комбинаций и моделей. Мы также считаем, что хотя в каждом обществе соотношение развитости различных сфер могло быть очень различным, но **во многих случаях политогенез длительное время скорее шел за другими процессами, чем инициировал их.** Это, правда, относится к ситуации, когда политогенез вызывается прежде всего внутренними причинами, вызревая в результате усложнения общества. Политогенез, ускоренный внешними обстоятельствами, намного быстрее способствует выделению политической сферы.

По мере развития и усложнения общества и межобщественных отношений политогенез становился более самостоятельным процессом. Но даже в обществах раннегосударственной стадии он не всегда играл ведущую роль. Такая ситуация характерна не только для аналогов, но даже и для ряда ранних государств. Примером такого соотношения является история Индии, где социальные и религиозные процессы играли ведущую роль по сравнению с политическими.

Политогенез и этногенез

Политогенез и этногенез взаимосвязаны очень тесно. С одной стороны, языковая и культурная близость общин способствовала тому, что эти коллективы объединялись в племена, группы племен, конфедерации, вожества, религиозные союзы и т. п. С другой – политическое единство в огромной степени формировало этносы. Без сомнения, роль войн и конфликтов всегда была важной не только для политогенеза, но и для этногенеза. Например, именно этническая близость облегчала объединение сегментарных обществ для военных действий против соседей. Войны также способствовали сгону с каких-либо территорий прежних обитателей, установлению отношений господства – подчинения, на основе которых порой складывались новые этнические группы.

Насильственные действия играли очень важную роль в жизни архаичных земледельцев и скотоводов. Такие действия нередко были важнейшим способом выдвинуться, значимо повысить свой социальный статус. По этому поводу есть смысл еще раз процитировать Н. А. Бутинова (1995: 62), который пишет о папуасах: «Было два пути продвижения в большие люди: мирный и военный; второй, видимо, преобладал. Претендент на статус большого человека собирал группу мужчин. Под его руководством люди нападали на соседнюю деревню, грабили, убивали, подчиняли оставшихся в живых своей власти. Причину для набега нетрудно было придумать (черная магия, кража свиней, похищение женщин, споры о земле и т. д.). Убийство “ненаших” не надо было оправдывать –

это считалось хорошим делом. Межобщинные войны велись часто»²⁰. Важную роль обычно играли войны и в процессе создания даже простых вождеств (см.: Carneiro 1970, 1981, 2004).

Но, поскольку численность населения социумов длительное время оставалась небольшой, а уровень производства еще не позволял постоянно жить за счет военной добычи и дани, в догосударственную эпоху политогенеза, по всей видимости, интеграция шла не только военным, но и достаточно часто мирным путем, так как важную роль играли идеологические, культурные и материальные составляющие интеграции. Это наблюдалось, во-первых, потому что общины располагались в сравнительной близости; во-вторых, потому что различные процессы и общие нужды требовали той или иной формы объединения. И этой «мирности» интеграции могла способствовать близкая этничность соседних социумов. Сам престижный обмен подарками помогал переводить соперничество между общинами и вождествами в мирное русло, препятствовал усилению конфликтов, как отмечали М. Мосс, М. Д. Салинз, К. Леви-Стросс и другие исследователи (см., например: Мосс 1996; Салинз 1999), хотя обиды, возникающие в процессе такого обмена, могли приводить и к насильственным действиям (см., например, об ительменах: Крашенинников 1948: 190). Разная же этничность племен и общин, живущих вперемешку, чаще провоцировала военные конфликты и способствовала военной интеграции общин. Так, в частности, складывались вождества у бини в Бенине (см.: Бондаренко 2000: 20). Эти же процессы укрепляли коллективную солидарность («асабиййу») племен (см., например: Турчин 2007; Гринин 2007в).

По мере усложнения обществ, особенно на предгосударственном этапе, роль войн в политогенезе даже при близкой этничности, по всей видимости, возрастает. Но следует подчеркнуть, что военное объединение этнически близких социумов способствовало большей прочности новых политий как за счет централизации, так и за счет культурно-религиозной близости.

В результате социополитических процессов на раннегосударственной стадии начинает образовываться то, что можно назвать примитивными народностями. Это хорошо видно на примере Европы поздней Античности, когда в III–IV вв. н. э. германские «племенные военные союзы превратились в более обширные и прочные племенные союзы, которые стали длительно занимать определенные территории и основывать на них более или менее устойчивые политические образования» (Неусыхин 1968: 602; см. также: Корсунский 1965: 66; Буданова 2000). Нередко они выступали под старыми названиями и «в качестве отдельных племен, но в действительности образовались из смешения при слиянии мелких племен в одно племенное целое, хотя могли делиться на разные ветви и подразделения» (Неусыхин 1968: 602).

Итак, с одной стороны, рост этничности способствовал интеграции и появлению крупных образований. С другой стороны, там, где начинали пролегать

²⁰ Личная храбрость и «свирепость» были важными качествами для выдвижения и у южноамериканских яномама, у которых человек, убивший воина, уже имеющего на своем счету убитого врага, получает «звание» храбреца (см., например: Chagnon 1968; Ember *et al.* 1992; Биокка 1972). Это было характерно и для многих других социумов.

политические границы, а власть становилась достаточно прочной, политогенез резко усиливал этничность. При этом «общностью более высокого порядка могла выступать то этническая, то политическая» (Куббель 1988б: 182).

Уже в рамках ранних государств политическая власть стала играть роль оброчей, которые как бы скрепляли этнос, пока он не становился достаточно прочным (см. подробнее: Гринин 2001, 2001–2006, 2003а, 2007в; см. также: Гринин 2006в)²¹. «Потестарные или политические структуры выступают в качестве того ядра, вокруг которого консолидируется общность-эсо (этносоциальный организм. – *Авт.*). Они играют роль арматуры, скрепляющей этот эсо», и характер «этнического процесса... оказывается диалектически связан с характером... политической организации общества», – справедливо отмечал Л. Е. Куббель (1988б: 170, 172; см. также: Куббель 1982; Крюков 1982). По-видимому, не лишена смысла и идея Л. Н. Гумилева (см., например: Гумилев 2004), что многие этнические трансформации могут начинаться с формирования консорций, то есть не слишком многочисленных групп, объединенных особой (но обычно не только родственной) связью или исторической судьбой, часто сплотившихся вокруг военного или религиозного лидера. В качестве примера он приводит группу сторонников Мухаммада, деятельность которых во многом превратила арабов, по сути, в этнос нового типа (Там же: 60), и группу сторонников Чингисхана на начальном этапе («людей длинной воли»), которая составила ядро будущего самостоятельного субэтноса, давшего затем импульс новым этническим процессам среди кочевников монгольских и иных евразийских степей (Там же: 464–465 и др.).

По мере роста размеров обществ, плотности их контактов, войн и передвижений народов в политогенезе возрастает роль смешения этнических элементов. В частности, распространенным случаем было возникновение между обществами с разной этничностью даннических и иных зависимых отношений. Бывало также, что какой-нибудь этнос (или даже вооруженная группа чужеземцев) захватывал иноэтничные территории. В этих случаях иногда завоеватели становились правящей верхушкой или привилегированной частью социума. Различная этничность социальных групп способствовала обособлению слоев общества, разрушению родовых обычаев²² и переходу к соседским поселениям нового типа, становлению государственной эксплуатации и государственного аппарата²³. Порой на роль управленцев или воинов специально приглашались иноплеменники или покупались иноэтничные рабы (примеры см. выше). При объединении

²¹ Разумеется, в формировании этноса огромную роль играли и другие процессы (религиозные, культурные и прочие), но здесь мы не имеем возможности на этом останавливаться (см. подробнее: Гринин 1997–2001 [4/1997]).

²² Конечно, в тех обществах, где вообще была родовая организация, не имевшая, напомним, универсального распространения ни на одном уровне социокультурной сложности (см., например: Мёрдок 2003; Коротаев 2003а, 2003б).

²³ «...Непосредственная связь этнической стратификации с социально-потестарной и социально-политической вообще может считаться типичной чертой доколониальных африканских обществ», но «Африка не выделяется сколько-нибудь заметно среди других континентов» (Куббель 1988б: 180).

разных народов под эгидой сильного вождя иногда происходило как бы сплавление различных составных частей и возникал новый этнос (нередко так было у кочевников).

Судьба этносов-завоевателей в разноэтничных государствах могла быть различной. Нередко малочисленные иноэтничные завоеватели растворялись в массе завоеванного населения и исчезали как этнос, как произошло, например, с болгарами в Дунайской Болгарии (см.: Никитин 1954; Каждан 1954) или с монголами в населенной кипчаками (половцами) большей части территории Золотой Орды (см., например: Кульпин 2006; Гумилев 2004). Но иногда таким небольшим этносам-завоевателям удавалось не только сохраниться, как это было, например, в Литовском государстве (Петкевич 2006: 306) или Венгрии (Там же), но и ассимилировать часть завоеванных этносов, как случилось в Венгрии или во многих областях современного арабского мира.

Не только политические процессы способны сформировать ранний этнос. В ряде случаев это могло происходить и за счет таких «обручей», как первичные сословия, если эта система была достаточно прочной и четкой. Примером являются саксы до завоевания их Карлом Великим, которых вполне можно считать примитивным этносом – народностью. Они «делились на три социальных слоя (за исключением рабов): родовую знать (эделингов-нобилей), рядовых равноправных свободных (фрилингов-*liberi*) и полусвободных литов» (Неусыхин 1968: 608).

Отметим, что даже очень близкая этничность (равно как и близкие природные и социальные условия, религия и т. п.) не ведет к тому, что в каком-то регионе устанавливаются только однотипные политические формы правления и режимы. Например, в Полинезии в пределах даже одного только архипелага «на разных островах архипелага (в данном случае островах Тувалу. – *Авт.*) были разные формы правления: на одном острове один “король”, обладавший абсолютной властью, на другом – “король” и совет вождей, то есть совет глав каинг (семейно-родственных групп. – *Авт.*), на третьем – два “короля” с равной властью, на четвертом – “король” и вождь, который формально был подчинен “королю”, но на деле благодаря силе характера являлся реальным правителем» (Бутинов 1982: 54). Весьма разные политические режимы были также среди галльских народов: от деспотической власти вождя до сложных систем сдержек и противовесов аристократических республик. Давно замечено, что нередко генетически разные общества демонстрируют удивительные сходства в определенных моментах, но в то же время близкие во всех отношениях общества обнаруживают сильные различия (Claessen 1989; см. также о различиях аравийских городов и племен: Dostal 1984).

ПОЛИТОГЕНЕЗ, ПРОИЗВОДСТВО, РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Политогенез, производство и демографические процессы

В целом многие исследователи единодушны в том, что появление систематического производства прибавочного продукта, повышение производительности

труда и/или земли являлись важнейшими факторами политогенеза²⁴ (см., например: Куббель 1989; Коротаев 1991а; Гринин 2003а). При этом производственные инновации или внедрение новых технологий могли играть очень важную роль. Это касается, в частности, ирригации (см.: Earle 1997; Sahlins 1972а; Wittfogel 1957; Gunawardana 1981). В целом появление или распространение каких-то важных технологических инноваций (тем более ароморфозов) способно вести к серьезным изменениям в политогенезе, становиться его катализатором. В результате в тех местах, где он до этого сильно задерживался или был вовсе невозможен, начинаются интенсивные политические процессы. Такими катализаторами могли быть, скажем, распространение железа, прогресс в использовании верховых или тягловых животных. Появление конницы, оружия из железа и т. п. способствовало также интенсификации военных действий, усиливало роль войн в политогенезе. Классическим является пример, когда вождь зулусов Чака применил новый вид холодного оружия, особого рода копье (ассегай), на древке которого длиной в один метр был насажен обоюдоострый стальной клинок длиной 15 см и шириной 2–3 см, благодаря чему ассегай стало возможным использовать в ближнем бою, тогда как раньше копья использовались только для дальнего боя. Это оружие во многом способствовало успехам его армии и образованию империи (Риттер 1968; Ратцель 1902, т. 2: 116). В результате из догосударственной эпохи зулусы вошли в государственную. Также общеизвестно, как изменилась военная сила степняков-кочевников с изобретением седла и стремени. Без последнего «никакое оружие, колющее или сабельное, не могло сколько-нибудь эффективно применяться конным воином» (Кардини 1987: 264).

Огромное значение имеют и демографические показатели (на их важность указывал ряд исследователей; см., например: Carneiro 1970, 1978; Claessen, van de Velde 1985; Chase-Dunn, Hall 1994; Fried 1967а, 1967b; Service 1975; Коротаев 1997, 2003а, 2003б; Гринин 2001, 2007е; о демографических изменениях в период аграрной революции см.: Козинцев 1980; Коротаев, Малков, Халтурина 2007: 173–175). Сочетание демографических характеристик Х. Й. М. Классен называет «социетальным форматом» (*societal format*). Это понятие включает в себя численность населения, допустимое демографическое давление на занимаемую им территорию и пространственное распределение населения (Claessen 2000: 3). Очевидно, что чем больше численность населения и выше его плотность, тем интенсивнее идут процессы, хотя, конечно, при желании можно найти общества с довольно высокой плотностью населения и довольно низким уровнем социальной стратификации и политической централизации (ифугао Филиппин, чимбу Новой Гвинеи, некоторые сообщества Микронезии) (см., например: Коротаев 1991а: 150).

В некоторых случаях, прежде всего в ситуации, когда удобной и плодородной земли не хватало, высокая плотность населения способствовала усилению

²⁴ Хотя в то же самое время систематическое производство прибавочного продукта в большой степени является результатом политогенеза (см., например: Sahlins 1972b; Коротаев 1991а; Гринин 2001–2006, 2007е), речь в данном случае идет о динамической положительной обратной связи, которую нельзя однозначно рассматривать в не всегда гибких категориях «причины» и «следствия».

социальной стратификации, а также и политической иерархии. Эти процессы усиливались при концентрации в этих местах переселенцев, которые нередко вынуждены были жить на землях худшего качества и зависеть от тех, кто жил на лучших землях (Service 1975; Kottak 1972; Claessen 1989). Как указывает Х. Й. М. Классен, в такой ситуации налицо комплексное взаимодействие ряда факторов: рост численности населения в ограниченной области – на острове – неизбежно приводил к давлению на средства к существованию. Некоторые люди жили в лучших по сравнению с другими местах благодаря более высокому месту в иерархии родства. Возникающее в результате неравенство узаконивается родственными статусом, а право контроля и преобладания в экономике начинает выражаться в терминах родства. Система родства, таким образом, действует как отношения производства. В то же время родство является идеологическим фактором, глубоко влияющим на экономические, социополитические и демографические факторы. В свою очередь, идеология родства глубоко затрагивается изменениями других факторов (Claessen 1989).

Велико значение демографического роста и в увеличении роли войн в отношениях между обществами. А войны также могут вести к развитию новых политических форм (поэтому мы вынуждены обращаться к этому аспекту неоднократно). Недаром Р. Л. Карнейро постоянно подчеркивает, что возросшее демографическое давление может приводить к войнам и завоеваниям, в результате чего в некоторых случаях и при определенных обстоятельствах возникает государственная организация (Carneiro 1970, 1978, 2000a, 2002; см. также: Lewis 1981). Высокое демографическое давление нередко приводило к переселениям и войнам и среди аналогов ранних государств (в качестве примера вновь напомним, что огромная полития вестготов уже при Германарихе в середине IV в. н. э. страдала от относительной перенаселенности [Щукин 2005: 219; см. также: Лавров 1999: 182–183], что и было важнейшей причиной попыток переселения вестготов в Византию; этот момент особенно интересен тем, что его часто рассматривают как начало эпохи великого переселения народов).

Иные отношения складываются в районах с низкой плотностью населения. Она существенно задерживала процессы интеграции и политогенеза, подобно тому как низкая концентрация исходных веществ затрудняет протекание химической реакции. Однако были факторы, которые могли частично компенсировать недостаток населения или низкую его плотность. Среди них обеспеченность транспортными средствами (включая верховых и упряжных животных) и мобильность, которые вместе позволяют значительно легче преодолевать расстояния. Эти качества существенно выше у кочевников, у мореходов и там, где реки являлись важнейшей транспортной артерией. Вновь укажем на то, что, согласно нашим исследованиям, для учета интенсивности некоторых политических процессов фактически число жителей у скотоводов, мореходов и жителей судходных речных долин надо увеличивать на коэффициент их мобильности и индекс обеспеченности средствами коммуникации (Гринин 2001–2006 [2/2002: 40]). Не менее важна и интенсивность контактов (см.: Он же 2007в). Поэтому-то в городских обществах, где плотность населения и род занятий сильно способствуют росту плотности контактов, по сравнению с чисто аграрными социумами

политогенез имеет заметные особенности (см., например: Крадин 1992, 2001а, 2001б, 2002; Крадин, Бондаренко 2002; Гринин 2001, 2007в).

На социальную структуру и политическую форму может влиять также межобщинная и иная специализация. В некоторых случаях она способствовала формированию кастовых или квазикастовых систем, что было весьма характерно, например, для многих африканских обществ (см. об этом, например: Кобищанов 1978: 254–260). Касты и квазикасты существовали в ранних государствах и их аналогах средневековой Аравии, Древней Индии и Индокитая, догосударственных и парадгосударственных обществах Индонезии, Океании, Восточной и Северо-Восточной Африки и Сахары (Kobischanov 2000: 64). Таким образом, касты – это отнюдь не чисто индийский институт. Как справедливо указывает Д. Квигли, распространенное представление, будто касты характерны только для Индии или индуизма, крайне затрудняет их сравнение с другими социальными формами. Он также отмечает, что все институты, которые ассоциируются с кастами, присутствуют в различной степени в других обществах в различные периоды истории (Quigley 2002: 146, 153; см. также: *Idem* 1999: 114–169; 2000: 105–106).

Направленность хозяйства существенно влияет на политогенез, ход которого, скажем, очень различен у оседлых земледельцев и специализированных кочевых/полукочевых скотоводов. Но как среди тех, так и среди других политические процессы в зависимости от особенностей хозяйства могут протекать по-разному. В этом плане коренным образом различаются, например, общества с зерновым и незерновым земледелием. В последнем случае развитие государственности затруднено, а переход к развитому государству, по всей видимости, и вообще невозможен (см. также: Гринин 2007б).

Большие различия наблюдаются и у скотоводов. Например, Л. Н. Гумилев писал о кочевниках, живущих западнее и восточнее Джунгарии: «Для всех народов восточной половины степи было характерно наличие сильной политической власти... На западе мы наблюдаем цепь конфедераций – племенных союзов» (Гумилев 1993: 261). Он объясняет это разными способами выпаса скота. На востоке скот пасся в степях, и пастухи, постоянно встречаясь друг с другом, выработали привычку общения. На западе, в предгорьях Тянь-Шаня и Тарбагатая, скот летом выгоняли на горные пастбища. Но подъем шел по узким долинам, каждая из которых принадлежала отдельному роду, равно как и альпийские луга, где пасся скот. По мнению Л. Н. Гумилева, изолированные методы ведения хозяйства отразились на характере политических образований (Гумилев 1993; о различиях в хозяйстве скотоводов см. также: Колесник 2007).

В догосударственной фазе хозяйство сильно усложняется, так как накапливаются новые виды деятельности, идет специализация, расширяется обмен. Все это ведет к усложнению социальной и политической жизни. При этом формируется петля положительной обратной связи, а именно намечаются тенденции, когда политическая сфера в свою очередь начинает влиять на направленность хозяйства. В этом плане можно согласиться с М. Салинзом в том, что рост власти и положения вождя часто становился одновременно и фактором развития производительных сил (Sahlins 1972b: 140; см. также: Коротаев, Кузьминов 1989; Коротаев 1991а; Гринин 2007в). Правда, престижная экономика, выделение знати

и администраторов, имущественное расслоение, появление сакральных и укрепленных пунктов и т. п. в целом, за отдельными исключениями, еще не трансформируют хозяйство радикальным образом²⁵.

Политогенез догосударственной эпохи связан обычно с экстенсивным сельским хозяйством, в котором могут быть элементы интенсивного, но зато уже политогенез раннегосударственной эпохи гораздо чаще основывается на интенсивном сельском хозяйстве (о нашем понимании различий между архаическим экстенсивным и развитым интенсивным земледелием см.: Гринин, Коротаев 2009: Гл. 6). В зонах древнейшего появления государств переход к государственности совершенно однозначно связан с созданием высокопродуктивного земледельческого хозяйства. И в дальнейшем очень многие государства создавались именно на базе интенсивного (поливного и/или плужного неполивного) земледелия. Этот путь условно можно считать магистральным не только для государствогенеза, но и для образования ряда аналогов государства.

Но были и иные варианты. В раннегосударственную стадию макроэволюции общество могло вступить и на базе примитивного сельского хозяйства. Однако все равно должны были быть и интенсивные отрасли: торговля, ремесло, мореплавание либо военная деятельность. Последняя может выступать как квазипроизводство, быть своего рода интенсивным и динамичным сектором экономики, если она позволяет аккумулировать достаточный объем прибавочного продукта чужих обществ. И все же в таких обществах регулярное создание нужных объемов прибавочного продукта и тем более возможность роста богатства и престижных благ в течение какого-то достаточно длительного времени всегда находились под вопросом. И в случае изменения ситуации или исчерпания ресурсов роста развитие политики, перешедшей на раннегосударственную стадию, затормаживается. Зато там, где практически вся экономика становится интенсивной, политические и социальные процессы идут более широко и эволюционных возможностей существенно больше.

Значительный рост производства прибавочного продукта, а также усложнение обмена и перераспределения влияют на все социальные процессы. В свою очередь, воздействие социально-политической сферы на хозяйство приводит к серьезным трансформациям в нем. Нередко происходит разделение экономики на два сектора: **экономику обычную и экономику элитарную** (см.: Гринин 2001, 2007*а*). Последняя может выступать в виде крупных аристократических, храмовых или вождеских хозяйств, в виде руководства обязательными коллективными работами, в форме монополизации наиболее доходной деятельности, особенно торговли.

Но во многих случаях эксплуатация шла не через производство, а через распределение, в частности, возникали обязанности подношения подарков, выплаты налогов, дани, права кормления и гостевания правителей за счет местного населения; перераспределение также шло за счет престижного потребления или

---

²⁵ Однако такие случаи все-таки известны, причем не все из них позитивны. Так, Т. К. Ёрл приводит пример, когда в Дании в бронзовом веке (от 1700-х до 700-х гг. до н. э.) местные вожди расширяли скотоводство, чтобы иметь животных для торговли, но интенсификация привела к деградации региона, превращению пастбищ в пустоши, а полей – в засыпанные песком неудобья (Johnson, Earle 2000: 27).

внешней эксплуатации. Поэтому в качестве более универсального вывода, на наш взгляд, точнее будет говорить о выделении в экономике **двух полюсов: производящего и потребляющего** (см. подробнее: Гринин 2007*в*).

Политогенез и распределение ресурсов

Проблеме выяснения связи между распределением и политогенезом уделяли большое внимание многие исследователи (Б. Малиновский, К. Поланьи, М. Салинз, М. Фрид, Т. Ёрл, Х. Классен и другие [Polanyi 1968; Sahlins 1972*b*; Fried 1967*a*; Earle 1997; Claessen 2000; см. также: Гринин 2007*в*]). Нередко изменения в распределении ресурсов выдвигают как важнейшую характеристику стадий политогенеза. И это совершенно оправдано, поскольку от объема относительно избыточного продукта и форм его распределения напрямую зависят скорость и направленность политических процессов.

Начальная эпоха политогенеза связана с преодолением наследия присваивающей первобытности, когда накапливать было трудно, накопление было редкостью и общество его не поддерживало (см. подробнее: Гринин 2003*a*, 2007*a*). В результате перехода к сельскому хозяйству и появления регулярных излишков в ряде регионов мира наблюдалась тенденция перехода от уравнительного к трудовому распределению, а накопление благ (до определенного объема, разумеется) нередко становилось нормой.

Поэтому, по всей видимости, наиболее универсальные макроэволюционные изменения в распределении в догосударственный период политогенеза связаны с усложнением системы распределения по сравнению с присваивающей экономикой, углублением имущественного неравенства, процессами концентрации богатства и престижных благ, предметов и ресурсов. Разумеется, было много и других изменений, в число которых входят, скажем, появление первичных денег и регулярной торговли во многих местах, а иногда и достаточно развитой частной собственности. Там же, где еще не перешли к индивидуальному накоплению, львиная часть относительно избыточного продукта порой превращалась в колоссальные ритуальные центры, создававшиеся иногда в течение сотен лет²⁶.

Здесь стоит сказать несколько слов о широко используемых терминах реципрокции (или реципрокации) и редистрибуции. Оба этих понятия – среди тех, кто их разрабатывал, особое место принадлежит К. Поланьи (см., например: Polanyi 1968) – характеризуют процессы движения и перераспределения ресурсов. Однако *реципрокция* более характерна для эгалитарных обществ, в которых перераспределение носит в целом относительно равноценный, эквивалентный характер (например, престижного обмена, взаимных угощений, взаимопомощи и т. п.). Престижный обмен (включая пиры) являлся важным инструментом отношений между общинами и племенами, способом установления хороших или мирных отношений (см., например: Sahlins 1972*b*; Рэдклифф-Браун 2001: 132–133). Однако в некоторых случаях он сам мог применяться как орудие экспансии

²⁶ Мы не думаем, что есть какая-то универсальная закономерность, когда создание таких центров предшествует переходу к частному обогащению. Но в ряде случаев такая последовательность, по-видимому, все же имела место. Например, в неолитической Европе как в обществах, так и у лидеров преобладала направленность на церемониальную деятельность, а в Европе бронзового века стал, по-видимому, доминировать интерес к личному богатству и персональному статусу (см., например: Wason, Balda 2000: 142).

и давления на соседей. Особенно это возможно в случае, когда военные действия по каким-либо причинам оказываются запрещенными (это нередко наблюдалось, например, при колониальной администрации²⁷; или существовали сверхъестественные санкции, запрещающие пролитие крови между определенными народами [см., например: Рэдклифф-Браун 2001: 132–133]). «Раньше мы воевали копьями, а теперь воюем пищей», – говорил по этому поводу некий меланезиец (см.: Бутинов 1995: 66).

В более сложных обществах вместе с появившимися новыми формами неравенства нередко возникает и *редистрибуция* – процесс, связанный с перемещением значительной доли благ в центр для обеспечения различных нужд и с дальнейшим распределением этих благ через центр. Это можно видеть нередко уже на уровне общины (деревни) или крупной семейно-родовой группы (клана). Но более важным такой процесс становится в иерархически организованных обществах с властным центром. В частности, редистрибуция правомерно считается обязательной для вождества. Конечно, вождь в целом оказывается в более выигрышном по сравнению с рядовыми общинниками положении, причем чем более развитым и крупным является вождество, тем заметнее этот выигрыш. Однако его перераспределительная деятельность является обременительной обязанностью, хотя нередко и весьма общественно полезной. Именно поэтому она так широко и распространилась. По образному выражению Б. Малиновского, «вождь везде действует как племенной банкир, накапливающий пищу, хранящий ее, оберегающий и затем использующий на благо всего сообщества... Если лишить вождя его привилегий и финансовых преимуществ, кто пострадает более всего, как не племя целиком?» (цит. по: Салинз 1999: 174). И это действительно так. Хотя вождь многое имеет, он многое и раздает. А это стимулирует производство сверх обычных домашних нужд²⁸. Таким образом, мы вновь убеждаемся, что в подобных обществах нередко «политическая жизнь служит стимулом к производству» (Салинз 1999: 130). И постепенно циркулирование материальных ценностей между вождями и их подданными становится циклическим и непрерывным (Там же: 134).

Конечно, редистрибуция была лишь одним из вариантов новых перераспределительных систем, однако вариантом, который имел большое будущее (о системе распределительных отношений в рамках макроэволюции в целом см.: Гринин 1997–2001 [4/1997]; 2003а, 2003б).

На основе увеличения объема перераспределяемого продукта создается та почва, на которой расцветают различные виды неравенства. По мере накопления богатства усиливается и борьба за него, как внутренняя, так и внешняя, как мирная, так и вооруженная. Но неравенство еще не столь велико, а во многих обществах и вовсе относительно слабое. Поэтому только в отдельных случаях борьба за долю в распределении принимает какие-то острые или ярко выраженные формы. Ведь даже там, где неравенство и эксплуатация стали уже неотъемлемой частью жизни, интересы элиты и власти, с одной стороны, и основной

²⁷ Как замечает Л. Кили, обычно этнографы XX века проводили свои полевые исследования среди народов, которые уже были пацифицированы западными колониальными властями, поэтому в отношении военных столкновений им приходилось полагаться лишь на воспоминания своих информантов (Keeley 1996).

²⁸ Но следует опять же иметь в виду, что описываемые Б. Малиновским отношения уже были существенно модифицированы под влиянием политики, проводимой колониальными властями.

массы населения – с другой, нередко в целом еще не антагонистичны, не полярны.

Гораздо более антагонистичными могут быть отношения внешние, связанные с внешней эксплуатацией и подчинением соседей. Многие исследователи подчеркивают, что очень часто эксплуатация начинается не внутри, а вне общества, поскольку чужака не защищают ни традиция, ни обычай. Внешняя эксплуатация усиливает неравенство и, без сомнения, способствует развитию политогенеза²⁹.

Таким образом, уже на догосударственной стадии рост возможностей аккумулировать ресурсы и влиять на перераспределение их потоков становился очень важным источником приобретения и институционализации власти и формирования элиты. В отдельных обществах этой стадии вожди или элита устанавливали экономическую власть, основанную на возможности ограничить доступ к ключевым производственным ресурсам или особо дорогим и ценным товарам (см.: Earle 1997: 7, Ch. 3). Торговля, по мнению М. Уэбба, обеспечивает вождя необходимым богатством, чтобы позволить ему привлечь сторонников (Webb 1975).

Но вообще эффективное ограничение доступа к производственным ресурсам еще не было широко распространено, поэтому экономическое неравенство (обычно не слишком сильное) чаще возникало на основе социальных преимуществ и различного статуса, личных качеств, монополизации какой-либо деятельности, идеологии и возможности влиять на распределение общественного продукта³⁰.

В раннегосударственную эпоху в связи с большим ростом территории и населения обществ происходят качественные изменения во многих отношениях. В целом на этой стадии происходит как бы поляризация распределительной системы (за счет редистрибуции, престижного потребления элиты, эксплуатации соседей, разделения на производителей материальных объектов и производителей услуг, включая торговцев). Просматривается, согласно М. А. ван Бакелу, разделение населения на две части: народ – производителей средств к существованию, и элиту – потребителей «излишков» производства³¹ (см.: Кочакова 1999: 42). Это иногда приводило к серьезным конфликтам между народом и вождями, даже восстаниям, как, например, неоднократно происходило на Гавайях, когда правители начинали «чрезмерно упиваться властью» и до предела усиливать тяготы повинностей и «подарков». Правда, инициаторами восстаний всегда становились другие вожди, стремящиеся достигнуть власти на гребне волны народного гнева. Но так или иначе, система крупного вожества подвергалась децентрализации, экономические потребности власти и повинности населения на ка-

²⁹ Но в определенных случаях может затем выравнять неравенство в самой общине эксплуататоров (как, скажем, было у спартиатов).

³⁰ Характерно, что Т. К. Ёрл приводит примеры сильной экономической власти вождей чаще именно сложных вожеств (см.: Earle 1997: Ch. 3), поскольку в простых вожествах такие случаи более редки.

³¹ Но, не будем забывать, вместе с тем производителей многих важных социальных услуг.

кое-то время снижались. А затем цикл мог повторяться (см.: Салинз 1999: 137–141).

Таким образом, возникший **мощный полюс элитарного потребления начинает все заметнее переориентировать экономику, внешнюю политику, идеологию**. Такое перераспределение в пользу элиты может обходиться и без особой политической власти, например, при жестком доминировании аристократии. В этом случае статус обеспечивал дополнительные возможности приобретения богатства, а богатство облегчало повышение статуса (Куббель 1988а: 240).

В зависимости от системы хозяйствования, объемов прибавочного продукта, системы власти и характеристик элиты формы соотношения власти и распределения были очень разными: иногда политическая власть становилась орудием для поддержания престижного потребления, или, наоборот, именно для укрепления власти усиливалась экономическая база. В ранних государствах, как бюрократических, так и тех, где главная задача власти была связана с войнами, распределение все сильнее перестраивается на обслуживание государственных нужд и интересов. В некоторых аналогах государства создавалась система монополии одновременно на власть и на землю, как это было во многих случаях в Полинезии, в известной мере также в Галлии. Так было, впрочем, и в феодальной Европе. В других аналогах не политические лидеры, а храмы и религиозные корпорации успешно контролировали хозяйство или перераспределение произведенного продукта, а также организовывали массы на различные строительные работы. В экономически бедных аналогах ранних государств, в которых создавалось мало относительно избыточного продукта, усилия элиты были устремлены на внешние источники обогащения.

Таким образом, в зависимости от степени изобилия хозяйства идет борьба за внутренний или внешний прибавочный продукт, за право собирать натуральный продукт или за контроль над торговлей. Например, «вся средневековая Гана со всей пышностью двора ее правителей и их богатствами была как бы громадной внешнеторговой надстройкой над обществом» (Куббель 1990: 72)³². И таких «внешнеторговых», как и «военно-грабительских», надстроек было немало.

В качестве важного условия образования раннего государства ряд исследователей выдвигают «господство и контроль над экономикой» со стороны власти (Claessen 2000: 2). Действительно, в ранних государствах политическая власть в той или иной мере осуществляла контроль над экономикой. Правда, степень его полноты очень различалась. В ирригационных государствах он был достаточно велик. Более поздние по срокам возникновения ранние государства часто оставались надстройкой, удовлетворявшей какими-то повинностями, контролем над некоторыми важными источниками богатства и престижных ресурсов, такими как военная добыча, дань, внешняя торговля, монополия на ценное сырье или товары. Они практически не вмешивались в обычную хозяйственную

³² «Монополизация государством торговых источников, экзотического импорта и торговые пошлины были важнейшим альтернативным (налогам и дани. – *Авт.*) источником накопления» (Chase-Dunn, Hall 1997: 236). Распространенность монополии на внешнюю торговлю в государствах Африки (особенно с приходом туда европейцев) даже дала основание французской исследовательнице К. Кокри-Видович говорить об особом **африканском** способе производства.

жизнь. Но едва государство укреплялось, оно неизбежно начинало глубже проникать в производство, например, распределяя земельный фонд, вводя налоги на каждое хозяйство, изменяя обычное право и т. п. (о соотношении производства и государства на протяжении всего исторического процесса см.: Гринин 1999, 2007а). В некоторых государствах с ярко выраженным идеологическим обоснованием превосходства элиты существовал контроль элиты над добычей, обменом, обработкой и распределением престижных материалов (см., например, о майя: Beliaev 2000; Беляев 2002).

Однако контроль над экономикой не является признаком только раннегосударственной формы политогенеза, но присущ и ряду аналогов раннего государства. Скажем, в Полинезии за счет контроля над распределением земли и возможности принуждать к труду сословие вождей контролировало экономику. В других же аналогах иногда контроль был очень слаб, а то и вовсе отсутствовал либо, как в некоторых торговых обществах, оставался функцией самоуправления. Кроме того, сами необходимость и степень контроля над экономикой во многом зависят от экологических и технологических особенностей общества и исторического момента. В частности, представляется интересной и заслуживающей внимания мысль Ю. В. Андреева, что широкое внедрение железа в экономику Греции в гомеровский период сделало невозможным ее возвращение вспять к централизованным дворцовым хозяйствам микенской эпохи, соответствовавшей бронзовому веку (Андреев 1985: 23).

Поэтому **в целом для обществ раннегосударственной эпохи точнее говорить о том, что власть и элита устанавливают контроль над распределением, степень которого возрастает.** Но и этот контроль требует определенной системы власти. И по мере потребности в усилении перераспределения в свою пользу элита все заметнее стремится к *контролю над политическими функциями.*

ПОЛИТОГЕНЕЗ И РЕЛИГИЯ

Особые функции религии. Религия и политика

Роль религии в политогенезе выглядит очень значимой³³. И это замечено давно. В частности, еще Дж. Фрэнгер делал вывод о том, что «во многих частях света верховный правитель происходит по прямой линии от древнего мага или знахаря» (Фрэнгер 1980: 107). Но огромная роль религии в политогенезе объясняется не только особым положением древнего служителя культа и его способностью внушать уважение и страх. Такая роль, по всей видимости, во многом проистекает от того, что религия выполняла не только идеологическую и объяснительную функции, но и целый ряд других важных функций, которые мы далее постараемся систематизировать и сформулировать (см. также: Гринин 2001, 2007в).

Охранная и производственная функции. Религиозные, ритуальные и магические действия выступали как средство уберечься от различных несчастий,

³³ Хотя некоторые исследователи вполне правомерно разделяют магию и религию, в данном курсе для удобства мы рассматриваем их как единое явление.

в том числе и от таких, как неурожай, падеж животных и прочие. Такие действия, следовательно, выступали в каком-то смысле как часть производственной технологии. Мы рискнули бы сравнить это с сегодняшним обязательным страхованием. Несмотря на незрелость многих элементов культуры, первобытные люди, тем не менее, часто мыслили вполне рационально. Если благополучие зависит от сверхъестественных сил, значит, почитание духов и соответственно людей, которые могут влиять на них, представляет собой очень важное дело³⁴. Огромные ритуальные сооружения, вполне возможно, также были попыткой обеспечить эффективное воспроизводство общества.

С охранной и производственной функциями неразрывно связана и та, которую условно можно назвать **функцией делегирования права на общение с высшими силами**, поскольку господствовало убеждение, что далеко не каждый может правильно и удачно общаться с иным миром. А когда общение с высшими силами сосредоточивается в руках определенных людей, тем более правителя, неразумно жалеть средства для поддержания необходимого ритуала. Тем самым религия начинала выполнять **управленческую функцию**, поскольку служители культа и руководители, совмещавшие светскую и духовную власть, выступали в роли «аппарата» по исполнению велений высших сил. А аппарат всегда можно использовать для других целей. И он часто начинал обслуживать свои собственные интересы. Функция делегирования права на общение с высшими силами нередко перерастала в то, что М. Годелье называл монополией на средства производства Вселенной и жизни. А монополия на эти мнимые средства производства, согласно А. Саутхоллу, вполне могла превратиться в монополию на материальные средства производства (Godelier 1978: 767; Саутхолл 2000: 130–131; Кочакова 1999: 41–42).

Как уже говорилось выше, некоторые тайные союзы представляли собой зачатки будущего аппарата управления и репрессий. Но их роль была велика и в плане формирования вообще институтов будущей государственной власти. Например, Л. Е. Куббель считал, что они были очень эффективной формой институционализации власти, а у многих африканских народов и вовсе стали той структурой, из которой непосредственно вырастала сакральная верховная власть: иерархия внутри союза была параллельна иерархии органов такой власти за счет господства и там и здесь знати (Куббель 1988a: 241). Между тем сакрализация правителя, а также та или иная доля секретности, которая окутывала его жизнь и пребывание у власти, являлись важнейшей особенностью африканской монархии.

Внешнеполитическая функция. Религия издавна выступала как форма межобщественных отношений, как способ объединения социумов для совместных важных действий. Магия же в общественном сознании могла считаться способом нанесения ущерба соседям и соответственно вызывала ответную реакцию.

---

³⁴ Сверхъестественные силы, в частности духи предков, могли рассматриваться людьми как истинные хозяева земли. Так было, к примеру, у бенинских общинников, которые воспринимали ритуальные действия не как пустую трату времени, но как неотъемлемую и важнейшую часть производственного процесса (см.: Бондаренко 2000: 99).

Регулирующая и карательная функции. Религия выступала также как карательное и регулирующее средство, способ запретить и запугать, а кое-где даже и прямо как орудие наказания путем психологического давления. Известны случаи, например, когда люди умирали, только узнав, что нарушили табу или что они должны погибнуть от вредоносной магии. Предполагаемый гнев духов нередко вполне заменял угрозу применения властью силы. Он даже имел определенные преимущества, раз люди верили в неотвратимость наказания. Угроза применения вредоносной магии была у многих первобытных народов силой, удерживающей от причинения вреда другим или от нарушения обязательств.

Очень важной функцией религии является **объединительная, интеграционная**. Через религиозные действия легче объединить людей. Во многом именно таким образом создавались грандиозные культовые памятники, храмы и т. д. Это позволяло интегрировать, а то и прямо объединять значительные территории и население достаточно мирным путем.

Здесь мы могли бы особо отметить, что вышеуказанные **функции религии во многом совпадали с теми функциями, которые выполняла политика** (см. подробнее: Гринин 2007*в*). С учетом этого аспекта неудивительно, что религия зачастую могла длительное время в какой-то мере подменять политическую деятельность в плане, например, интеграции общества или аккумуляции его ресурсов. В некоторых случаях именно жречество было той элитой, которая давала толчок государствогенезу. Могло, конечно, быть и наоборот, когда религия выполняла роль «служанки» политики. Религиозная сторона могла и вовсе не требоваться для политогенеза, например, когда он шел в основном военно-политическим путем.

Тесную связь религии и политики можно увидеть и в том, что у очень многих народов имелось представление, будто вожди и власть каким-то особым образом связаны с высшими силами, духами или богами. Даже там, где вообще не было жречества, могла существовать более или менее сильная вера в особую связь вождя (царя) и высших сил, а также в то, что свою благодать и удачу вождь способен переносить на других и на весь народ³⁵.

По причине сходства функций религия и политика часто выступают вместе, поддерживая друг друга. Распространенным случаем был их симбиоз, например, в виде сосредоточения высшей сакральной и политической власти в руках вождя или царя. Этот путь, думается, длительное время был эволюционно ведущим, хотя и далеко не единственным. Однако если политическая и сакральная власти не совпадали, образование государства могло иногда затрудняться по причине недостаточной власти правителя или, напротив, слишком большого влияния жрецов.

Однако пропорция политического и сакрального, равно как и взаимоотношения правителя и жречества, могла быть очень различной, что создавало многочисленные варианты политогенеза и большое своеобразие конкретных политий³⁶.

³⁵ Так было, например, в древней Норвегии (см.: Гуревич 1980: 128–132).

³⁶ При чрезмерной сакрализации правителя (как в ряде африканских государств, где он не мог свободно общаться с подданными) управление затрудняется, что может стать препятствием для государствогенеза. Иногда подобная ситуация вела к тому, что сакральная и политическая стороны разделялись своеобразным путем: за монархом оставался почет, а управление сосредото-

Религия и фазы политогенеза

В результате перехода к сельскому хозяйству постепенно начался и процесс перехода от охотничье-собираТЕЛЬСКИХ культов к аграрным. В итоге стали формироваться религии, способные объединить гораздо больше обществ и людей, чем прежде, и сплавить локальные группы в протоэтносы. Таким образом, росла объединительная сила религии и дополнительно выделялся ее управленческий аспект. Нередко также «статусная иерархия и лидерство развивались как побочный продукт чего-либо, созданного по религиозным причинам» (Wason, Baldia 2000: 142). Монополизация религиозных действий в определенных руках оказывала значительное влияние на формирование новых форм неравенства и потоки перераспределения ресурсов.

Кое-где создаются религиозные корпорации. А корпорации – это уже определенный аппарат, способный подчинить себе значительные массы. Тем более если такой аппарат формировался из представителей различных групп (а не состоял только из членов строго определенных родов и иных родственных групп). Тем самым закладывался административный принцип управления, важный для будущего государства.

На второй – раннегосударственной – стадии религия в тенденции становится более организационно развитой. Формируется ее идеологический слой, в значительной степени предназначенный для объяснения и оправдания сложившихся новых форм неравенства и установившейся власти. В ряде обществ религия превращается в локомотив политических процессов, поскольку религиозно-культурная власть была древнее и более общепризнанной, чем политическая, поэтому религия становится во многих случаях наиболее существенной частью официальной идеологии (см., например: Дандамаев 1985: 3). После появления мировых религий новая элита нередко стремилась сменить религию, чтобы стать более независимой от прежних традиций, чтобы иметь идеологию, которая бы оправдывала ее господство. Христианство и ислам часто вводились именно с таким расчетом. Так, в частности, приняв ислам, поступила знать народа фульбе (современная Гвинея в Африке), чтобы стать полновластной хозяйкой области Фута-Джаллон в центральной части Гвинеи и подчинить себе все ее население (см.: Козлов 1976: 64–65).

В целом нам представляется, что в указанном выше симбиозе религии и политики именно религиозная сторона во многих обществах длительное время шла впереди и, образно говоря, «тащила» за собой политическую, пока последняя не обрела достаточной зрелости. Такой симбиоз был желателен и для того, чтобы обеспечить легитимность политической власти. Но в достаточно крупном обществе неизбежно возрастает значение и бремя политических и административных функций, а следовательно, возрастает роль светских управленцев. К тому же жречество не способно, по определению, обеспечить защиту от внешней угрозы.

чивалось в других руках (единоличных, как у сегуна в Японии, или у коллегиальных органов, как в ряде африканских обществ). Подобные примеры имеются также в Полинезии (в частности, так было на островах Тонга [Токарев 1958: 136]) и в других регионах мира (см., например: Фрэнгер 1980).

Поэтому оно так или иначе уступает роль лидерам политикам, администраторам и воинам. Классическим примером является возглавлявшееся *энси* жречество месопотамских городов, уступившее место политикам-воинам во главе с светским правителем-лугалем (Дьяконов 2000: 51; см. также: Виткин 1968: 432; Саутхолл 2000: 134–136).

Можно согласиться, что чем больше развивается раннее государство, тем слабее в нем роль идеологических компонентов и все большую роль играют политическая администрация и редистрибуция (Claessen, Skalník 1978: 633). Таким образом, рано или поздно религия в некоторой степени отделяется от государства даже там, где политический лидер одновременно был и духовным лидером. Поэтому религиозная сторона не является обязательной для *развитых* государств. В этот период симбиоз между религией и политикой не нужен, а требуется только сотрудничество (см.: Гринин 2007б).

Политогенез и становление цивилизаций

Процесс образования самых первых государств на Ближнем Востоке во многом неясен. Однако для Месопотамии можно предположить, что в симбиозе сакральной и политической стороны в начальной стадии политогенеза первая все-таки преобладала. А поскольку в этих обществах развитие религии привело к складыванию первых цивилизаций, то правомерно думать, что и процесс формирования цивилизаций (его условно можно назвать **цивилигенез**) шел какое-то время несколько впереди политогенеза. Что касается Египта, то если предположить (с высокой долей вероятности), что здесь сакральная и политическая стороны соединились в лице вождя-жреца, они, возможно, развивались в тесном симбиозе.

В истоках цивилигенеза везде лежал процесс оформления новых верований, создания особой идеологии и культа. Нередко огромную роль играло появление нового типа религиозных корпораций, организованных не хуже тайных обществ, но имеющих возможность открыто, а не тайно влиять на население и элиту. Все это позволяло древним идеологам воздействовать на всю жизнь социума и интегрировать общества³⁷. Когда же у месопотамских жрецов появилось новое мощное средство – письменность, открылись невиданные прежде идеологические возможности. Таким образом, и письменность, и административный аппарат, возникнув для решения каких-то практических задач, стали могучим орудием влияния и развития (как это и свойственно крупным ароморфозам).

С появлением письменности можно уверенно говорить о возникновении первичных цивилизаций. С этого времени стал устанавливаться тот баланс между религией (культурой) и государственностью, который теперь нам представляется естественным и который, по крайней мере в течение двух с половиной тысяч лет, эволюционно был удачным. Религиозная и государственная культуры оказались очень тесно связанными, объективно поддерживающими друг друга (см., например: Дандамаев 1985; Гуляев 1993). Без письма развитие ранних

³⁷ Похожие процессы формирования таких религиозных корпораций были у многих народов, например у галлов и вообще кельтских народов, хотя результаты их интеллектуальной деятельности обычно сохранялись в устной форме.

государств Ближнего Востока замедлилось бы очень существенно, а возможности государственного перераспределения оказались бы сильно ограниченными. С другой стороны, без создания государственного института писцов, хранилищ текстов и прочего цивилизации Ближнего Востока оказались бы куда менее яркими.

Культурно-религиозные элементы и артефакты, свойственные цивилигенезу, такие как ритуальные центры, крупные гробницы, скульптуры, ювелирные изделия, сложная мифология и т. д., имелись во многих обществах раннегосударственной (и даже иногда догосударственной) эпохи. Но вот письменность встречается редко. Например, скифы в некоторых отношениях создали высокую культуру, но не имели письменности (см., например: Гуляев 2005; Райс 2004). Поэтому говорить о цивилизациях для большинства ранних государств в том же смысле, как мы говорим о них применительно к ранним государствам Египта, Месопотамии, Китая или Индии, невозможно (см.: Гринин 2007*e*).

Это означает, что **цивилизгенез был не единственным, а одним из направлений культурно-религиозных изменений**, но именно ароморфным направлением, за которым оказалось великое будущее. Для вторичного государствогенеза цивилигенез мог уже не требоваться. В государствах, возникших на периферии (в лесах и степях), процессы государствогенеза могли длительное время опережать процессы роста в культурной сфере. В лучшем случае варварские державы после сотен лет отсутствия письменности начинали заимствовать те или иные элементы более развитых культур, поскольку рано или поздно государствам какая-то достаточно развитая идеология все-таки требовалась. Так, при Чингисхане монголы заимствовали староуйгурскую письменность (восходящую через согдийскую к арамейской) (см.: Хара-Даван 1996: 135; Эгль 2004: 492), на которой, по-видимому, была записана и знаменитая *Яса* Чингисхана (Хара-Даван 1996: 135; Мухаметов 2007). Со временем уйгурский алфавит стал использоваться в дипломатической переписке (Крадин, Скрынникова 2006: 458).

Следовательно, хотя в социальных организациях раннегосударственной стадии культурные изменения, связанные с усложнением общества, должны были быть непременно, обязательное появление именно цивилизации требовалось только для первичного государствогенеза, то есть для рождения самых первых в истории государств и появления государств без воздействия более развитых государств-соседей.

Выше шла речь о цивилизациях, которые условно можно назвать государственными, поскольку их формирование и расцвет связаны с формированием определенных государств. Рождение же цивилизаций более высокого типа, связанных с мировыми религиями, требовало иных условий. Связь с политогенезом здесь гораздо более опосредованная (о стадиях развития цивилизаций в масштабах макроэволюции см.: Гринин 1997–2001).

ПОЛИТОГЕНЕЗ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Общие процессы

По мере усложнения социумов все более заметную роль помимо половозрастных начинают играть и собственно социальные характеристики людей. Сначала

они определяли только положение конкретного индивида, но (за некоторыми исключениями) не его потомков, позже во многих случаях социальный статус становится наследственными. Новые формы организации обществ и межобщественных отношений неизбежно открывали новые возможности для повышения социального статуса. В частности, различные вступительные взносы, выкупы, приданое, участие в престижной экономике и т. п. уже в догосударственной фазе существенно влияли на приобретение или повышение статуса. Этого можно было достигнуть, например, разбогатев, вступив в какую-либо корпорацию или тайный союз и приобретя там высокое положение; заняв какую-нибудь должность; совершив выдающееся деяние и т. п.³⁸ Весьма часто такой статус удавалось закрепить в поколениях. Тем самым какие-то группы приобретали постоянные преимущества. В результате всех этих изменений социальная структура существенно усложнялась и приходила в несоответствие с более ранними институтами и установками.

Догосударственная эпоха политогенеза связана с закреплением за людьми определенных социальных характеристик, и уже на этой стадии – особенно к ее концу – **намечается разделение социума на элиту и основную массу**³⁹. Такое деление, конечно, часто было весьма нечетким и далеко не везде играло большую роль, равно как новые формы социального неравенства и различные связанные с ним преимущества могли быть не слишком существенными. Однако кое-где элита начинала сосредоточивать в своих руках ключевые и наиболее престижные виды деятельности, среди которых управление и война занимали важное место.

Раннегосударственная эпоха в целом связана с процессом разделения общества на достаточно устойчивые социальные группы, слои или части. Существовали самые разные способы реализации этого. Например, механизм жесткого закрепления статуса в потомстве вместе с особым правом старшего сына (своего рода «майоратом») и другими традициями отсекал большинство людей от высокого статуса и привилегий. Нередко та или иная социальная иерархия институционализировалась. Имущественное неравенство играло большую роль. Но, как уже говорилось ранее, богатство чаще совмещается с рангом, статусом, сословным или должностным положением, что само по себе становится главным условием неравенства. При этом богатство и высокий формальный статус могли и не совпадать⁴⁰.

³⁸ Например, согласно описаниям У. Риверса, некоторые меланезийские тайные союзы являлись сложной организацией, посредством которой приобреталось богатство. А так как продвигаться в этих корпорациях могли только богатые люди или имеющие богатых друзей, то эта организация служила средством закрепления и демонстрации социального ранга, который зависел от обладания богатством (см.: Куббель 1988а: 267).

³⁹ Хотя, как мы помним, такое разделение может возникать уже среди специализированных охотников-собираателей; однако среди охотников-собираателей такое разделение развивалось только в исключительных условиях, а вот для развитых интенсивных земледельцев исключительным уже было, скорее, отсутствие такого разделения (см., например: Коротаев 1991а).

⁴⁰ Например, на Гавайях, где существовала система наследственных рангов, было немало богатых людей, не имеющих высокого ранга (см.: Earle 2000: 80). Поэтому Э. Сервис подчеркивает, что во многих случаях для достижения персональной политической власти личного богатства не требовалось (Service 1975: 8).

Формы общественных образований и конкретная конфигурация социальной структуры могли быть весьма и весьма разнообразными. Это могло зависеть и от того, какие принципы, иерархические или неиерархические, были заложены в организацию общества. Кроме того – и это очень важно подчеркнуть, – **достаточно часто значительное развитие социальной стратификации (и особенно ее жесткость) блокировало появление развитых политических структур** (см.: Гринин 2007а, 2007в).

Иначе говоря, там, где быстро складывается государство, не требуется жесткой социальной структуры. Независимая аристократия, равно как и слабая социальная мобильность людей, будет в известной мере помехой складывающейся самодержавной власти и бюрократии. В ранних ирригационных государствах крепкая политическая власть препятствовала возникновению жестких сословий. Характерным примером являются Египет, Китай или Индокитай, где сословные перегородки во многие периоды были слабыми⁴¹. Лишь на более поздних стадиях политогенеза (и то далеко не везде) возникло органичное сочетание централизованной власти и сословного деления. Как мы уже продемонстрировали в (Гринин, Коротаев 2009: Гл. 6), развитое сословное деление при централизованной государственной власти – это уже обычно признак не раннего, а развитого государства.

Там же, где до появления государства складывается заметное сословное деление, можно говорить об образовании аналогов ранних государств, которые превращаются в собственно государства много позже. В таких аналогах политические процессы играют в целом подчиненную роль по сравнению с процессами социальной стратификации, а сословные крепления вполне заменяют политические и административные (подробнее об этом см.: Гринин 2007в; Grinin 2003). Указанные аналоги могли достигать больших размеров и численности населения, иногда в сто-двести тысяч человек. Но развитие их было замедленным по сравнению с ранними государствами, поскольку здесь гораздо сложнее (иногда просто невозможно) было создать нового типа систему администрации (включая и профессиональных управленцев). Мало того, когда в таких обществах выбирали верховных правителей, то нередко ограничивали их полномочия, усложняли возможность передачи власти по прямой линии, выбирали соправителей и т. п.

Вообще сословность могла образовываться разными путями: иной раз завоеватели становились высшим сословием; иногда интегрировались между собой наиболее привилегированные группы (линиджи) кланов и общин; порой верхние сословия образовывались из немногих привилегированных родов, у которых главные линии становились высшим сословием, а боковые – вторым по значимости, и т. д. Правила родovitости были иногда очень сложными и/или жесткими, в результате чего потомки знатных людей попадали в различные группы (см., как это было, например, у качинов в Бирме [Leach 1970] или на островах Тонга [Токарев 1958; Токарев, Блинов 1956]). Такие ситуации являлись порой основой для формирования весьма громоздкой социальной системы. Запутанность и сложность правил также являлись источником постоянных трений и давали

⁴¹ «Неустойчивость социальных перегородок» характерна для вьетнамского общества (Вьетнам) и большинства обществ Юго-Восточной Азии (см.: Деопик 1994: 5). Но, разумеется, не во все эпохи и не во всех обществах этого региона. Не подходит к данному утверждению, например, ситуация в Ангорской империи (см., например: Седов 1967).

возможность для оспаривания прав на престол, а также иногда позволяли влиятельному аристократу сравнительно легко изменить что-либо в свою пользу в собственной генеалогии (Leach 1970: 166).

Нужно также учитывать, что представление об особой родovitости требовало заключать браки с узким кругом лиц, что закрепляло аристократический статус. Таким образом, идеология превосходства (в частности, в придании особого значения родovitости) и материальные интересы знати и аристократии объективно толкали ее на путь превращения в замкнутое (эндогамное) сословие⁴².

Во многих случаях меняется система учета родства. Например, там, где учитывалось родство только по одной, скажем, отцовской линии, теперь в некоторых случаях возникает неоднолинейный принцип учета родства, когда принимается в расчет одновременно и отцовская, и материнская линия. Иногда это сильно затрудняло женитьбу на женщинах из более низких классов, в результате чего начинали развиваться эндогамные аристократические круги и сети (Claessen 1978, 1989; Bott 1981).

В некоторых случаях было три сословия (саксы, некоторые кельтские и италийские народности; в целом это особенно характерно для индоевропейцев, где система трех сословий, возможно, развилась из системы трех возрастных классов [см., например: Дюмезиль 1986; Коротаев 1991б; Иванчик, Кулланда 1991; Кулланда 1995]) или даже четыре (индоарии, где складывается система четырех варн за счет добавления к трем базовым индоевропейским протосословиям нижней варны шудр)⁴³, плюс внесословные категории (рабы и т. п.). Лидерствовать могло как жречество (у индоариев, по крайней мере, согласно брахманской, но не кшатрийской, традиции), так и родовая аристократия (например, у ряда германских племен). Такого рода стратификация, естественно, закрепляла все должности за знатью, которая обзаводилась своими дружинами, клиентелой, источниками дохода и контролировала политические процессы. Например, знатные галлы (перед завоеванием Юлия Цезаря) имели по несколько сотен, а самые знатные – по несколько тысяч клиентов, из которых они формировали конное войско, заменявшее всеобщее ополчение и тем самым противостоящее основной массе галлов (см.: Бессмертный 1972: 17; Тевено 2002: 136–137).

В обществах, организованных иерархически, сословия могли представлять пирамидальную систему во главе с имеющим сильную власть правителем. Такая ситуация была, в частности, в некоторых полинезийских обществах. Здесь политическая, экономическая, сословная, а часто и сакральная власти объединились в очень крепкий сплав.

В ранних государствах, не основанных на интенсивном и высокопродуктивном земледелии (например, в Тропической Африке), сакрально-политическая власть сочеталась с образованием подобия сословий. Но они не были столь креп-

⁴² О том, как возникали эндогамные сети аристократов, чтобы защищать экономические и политические интересы, например в ранней Шри-Ланке или среди качинов, см.: Gunawardana 1981, 1985; Friedman 1979.

⁴³ Варна шудр, скорее всего, возникла позже трех высших (брахманов, кшатриев и вайш) (см., например: Бонгард-Левин, Ильин 1969: 167). Не менее четырех социальных групп было, по материалам раскопок погребений, и в древнем малоазийском городе Канише (II тыс. до н. э.): знать, чиновничество, воины, рядовые граждане, включая купцов (Алексин 1986: 24).

кими, как в Океании. Зато вся суперструктура опиралась на сложный конгломерат корпораций, вождеств, сельских и городских общин, каст, объединявших порой много общин. Между собой эти единицы различались по статусу и привилегиям.

В ряде обществ (например, у некоторых кочевников) элита представляла собой родовую верхушку, обычно имевшую богатые хозяйства с зависимыми или наемными работниками, хотя встречалась и обедневшая знать. Порой здесь возникали достаточно устойчивые политические образования во главе с верховным вождем, где элита контролировала в основном внешние источники обогащения (войну и торговлю) и внутренняя эксплуатация была относительно слабой, а аппарат управления почти отсутствовал. Иногда на такой базе появлялись и крупные политические образования (особого рода аналоги государства), внешне напоминавшие крупные государства или империи (см. об этом, например: Крадин 1992; Хазанов 2006; Барфилд 2006).

В отдельных местах возникают городские общества. Если они были торговыми, то социальное разделение шло по имущественному признаку, который, однако, нередко закреплялся и особым статусом. Городские общины достаточно часто были самоуправляемыми, нередко распространяли влияние на окружающую сельскую территорию⁴⁴. В них создавался различный тип управления: аристократический, олигархический со светской или религиозной верхушкой, а иногда демократический. В некоторых местах, где территория вождества (или резиденция вождя) превратилась в город, сам вождь становился царем. Но власть царя обычно не была тиранической, а порой, как в Риме, напоминала конституционную монархию или вовсе была, по выражению Фукидида, «отеческой царской властью». Наряду с царем важную роль могли играть различные советы, как это было, например, в древнейших гражданско-храмовых общинах 1-го тыс. до н. э., где даже царские декреты к таким общинам обращены «к народу и совету» (Лундин 1977: 34). Иногда некоторые гражданско-храмовые общины даже приглашали правителей или оказывали серьезное влияние на выбор преемника надобщинного лидера, «царя» (подробнее см., например: Лундин 1969, 1971; Loundine 1973a, 1973b; Коротаев 2006б; Korotayev 1996)⁴⁵.

Смена элит и политогенез

Ряд позднепервобытных процессов, особенно развитие и закрепление неравенства, ход и направление политогенеза, напрямую связаны со сменой элит (см.: Гринин 2001; 2007в)⁴⁶. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что

⁴⁴ См., например, о таком контроле над сельской округой со стороны месопотамского города Урук во второй половине III тыс. до н. э.: Джонсон 1986: 101–102. Типичный город-государство в центральной Мексике накануне испанского завоевания состоял из центральной городской общины (то есть столицы) и зависимых от нее сельских общин (Гуляев 1986: 84).

⁴⁵ Отметим, что сам А. Г. Лундин здесь говорит о «городе», переводя таким образом древнейшее понятие *hgr*. Однако такой перевод не всегда вполне оправдан. Почти все древнейшие «города» (*'hgr*) представляли собой поселения менее 1000 человек с преимущественно сельскохозяйственным населением. Такого рода тип организации представляется корректнее обозначать как «гражданскую» или «гражданско-храмовую общину», а не как «город» (Коротаев 1988, 2006б; Beeston 1971; Korotayev 1996).

⁴⁶ В литературе неоднократно высказывалась мысль, что направление хода политогенеза может сильно зависеть от того, кто, какая элита находится во главе общества. Такие идеи, в частности, высказывали Л. Е. Куббель и А. М. Хазанов (см., например: Куббель 1988б; Khazanov 1978).

на пути к вождествам, городам, храмовым образованиям и тем более государству происходила неоднократная смена и/или трансформация элит (см. подробнее: Там же). Она вызывалась как усложнением и увеличением обществ, объемов производства и прочего, так и конкуренцией и прямой борьбой элит. На положение элиты могли влиять различные обстоятельства: перемены в размерах и направленности хозяйства, изменения в религии, отношения с другими обществами и т. п.⁴⁷ И наоборот, борьба элит, их соперничество влияли на ход многих процессов, включая рост или упадок производства⁴⁸.

В отношении элиты очень верным будет утверждение о том, что конкуренция и соперничество – могучие движущие силы развития. Для поддержания и укрепления своего положения нередко необходимо было бороться. И такая борьба, происходившая в самых разных формах, играла важную роль в развитии политогенеза и других процессов. Соперничество элит следует рассматривать не только как внутреннее явление, но и как конкуренцию между социумами, которыми руководили элиты, за доминирование и лидерство.

Но выстроить какую-то четкую линию смены элит затруднительно, поскольку в каждом обществе это зависело от множества обстоятельств. Поэтому в общезволюционном смысле о порядке смены элит можно говорить только в самом абстрактном виде. Естественно, что и обобщенные названия элит, которые даются ниже, в высокой степени условны (подробнее см.: Гринин 2007в).

В догосударственную эпоху просматриваются две макроэволюционные трансформации социальной структуры общества. У ранних земледельцев и скотоводов чаще всего уместно говорить о выделении элиты, которую можно условно назвать **элитой авторитета и традиций**. Она представляет собой достаточно пеструю смесь людей, по каким-либо причинам особо уважаемых, внушающих страх или так или иначе выделившихся: религиозных деятелей, глав групп и руководителей разного рода, профессионалов (включая ремесленников, артистов и мыслителей), людей, совершивших выдающиеся деяния, разбогатевших, обладающих необычными способностями; тех, кто имел какие-то особые привилегии (например, привилегии первооселенцев) или статус. Главная особенность этой элиты – она очень сильно связана с личными качествами людей, а привилегии чаще всего не слишком значительны, даже если они и воспроизводятся в поколениях. Но нередко у всех членов одного поколения и пола возможности были формально более или менее равными.

По мере укрупнения обществ, появления большего прибавочного продукта, более выраженного имущественного неравенства, роста числа и роли лидеров

⁴⁷ Например, усиление роли войн могло способствовать переходу руководства от старшего возрастного класса к средним (к молодым или средних лет мужчинам), ведь люди в возрасте не могли соперничать в силе и воинской доблести с более молодыми. Естественно, что и лидеры общества начинали выдвигаться из воинов. Так происходило, в частности, у бини (Бенин), где военный лидер, будущий глава вождества, выделялся из среднего возрастного класса, что уменьшало роль старшего поколения (см.: Бондаренко 2000: 21–22). Похожие процессы шли у зулусов (Риттер 1968) и, по-видимому, у части древних индоевропейцев (Иванчик 1988; Иванчик, Кулланда 1991; Кулланда 1995).

⁴⁸ Например, на Гавайях, где среди вождей было соперничество за контроль над населением, вожди внедряли такие капитальные инновации, как рыбные пруды, ирригационные системы, введение в оборот новых земель за счет различных улучшений, для того чтобы увеличить свой доход и за счет этого свою военную мощь (Johnson, Earle 2000: 27).

в разных областях жизни возникает элита, которую можно назвать **элитой лидерства и статуса** (см.: Гринин 2007*в*), представители которой все заметнее отличаются своим статусом, все прочнее закрепляют личные и групповые преимущества в поколениях, **все более из неформальных лидеров становятся формальными**. В таких обществах могло быть и прямое соперничество вплоть до физической или вооруженной борьбы между разными лицами и группами, претендующими на лидерство, например, между политическими и духовными руководителями, между родами и т. д. Можно согласиться с Ж.-Ж. Руссо, что институт лидерства с лидером как центром общины имел для этой стадии особое значение (Rousseau 1985; см. также: А. С. Хоцей [2000], который говорит об особом «лидерском» периоде).

В раннегосударственную эпоху условно можно говорить о формировании **элиты власти и богатства**, привилегии которой могут быть основаны на родovitости (аристократия), авторитете идеологии, занимаемых должностях, военной силе, праве завоевателя и т. д. В некоторых случаях авторитет элиты становится таким, что она берет в свои руки все: управление, войну, религиозные дела, суд и нормотворчество, идеологию. Но достаточно распространенной была и профессионализация, то есть формирование отдельных элит: духовной, plutократической, административной, военной, между которыми идет соперничество, борьба за лидерство, работников, последователей и сторонников. Конкретные результаты борьбы зависят во многом от конкретных обстоятельств. Например, даже там, где, казалось бы, власть вождя непререкаема, иной раз вперед выходит жречество⁴⁹. Но в тенденции все чаще начинает побеждать военная и/или административная элита.

Нередко происходит борьба между вождями разных типов: мирными, исполняющими административные и/или жреческие обязанности, и военными. Например, М. Б. Щукин (2005: 207) предполагает, что у восточных готов в период до их переселения в IV в. н. э. вождь Атанарих был представителем старой родовой аристократии вождей-жрецов, а более известный Германарих – вождем военных. Этнологи и обществоведы очень часто в качестве такого примера упоминают ирокезов, подчеркивая, что у них значимость мирных вождей-сахемов уменьшалась, а военных вождей – соответственно росла. Например, П. Ф. Преображенский даже был убежден, что если бы развитие ирокезов шло без вмешательства правительства США, совет военных вождей вообще бы заменил совет сахемов (Преображенский 2005: 157).

В аристократических полициях, какими были, например, многие галльские территории (*civitas*, по терминологии римлян), конкуренция в высшей страте часто выражалась в борьбе между аристократией в целом, с одной стороны, и отдельными ее наиболее богатыми или энергичными представителями, стремящимися к установлению личной власти, – с другой. Последние у галлов порой при-

⁴⁹ Даже в Полинезии, где, «как правило, управление хозяйственной и социальной жизнью было сосредоточено в руках вождей», «жрецы иногда подчиняли себе верховного вождя и фактически захватывали власть над островом. Так, Э. Граффе отмечал, что островом Нанумеа, где было два вождя и семь жрецов, управляли последние. На Фунафути жрец пользовался большим влиянием, чем верховный вождь (*алики*)» (Бутинов 1982: 33–34).

обретали опасное влияние, способное поколебать власть самых крупных магистратов. При этом такие деятели часто пытались использовать в своих целях недовольство народа (см., например: Тевено 2002: 136–137), то есть действовали аналогично тому, что описывал М. Салинз в отношении Гавайев. Естественно, что борьба между элитами или среди элиты очень часто шла за право занимать какие-то должности или контролировать те или иные функции. А результаты этой конкуренции нередко затем могли конституироваться в особенностях политических и социальных режимов.

Однако в других ситуациях элиты достаточно часто консолидировались и создавали **политическую** в широком смысле верхушку, которая могла становиться частью военного и/или административного аппарата или контролировала его в своих целях (как, скажем, афинская аристократия VII–VI вв. до н. э. использовала суды).

На раннегосударственной стадии борьба элит в тенденции становится еще более напряженной. Во-первых, по сравнению с прежними временами ставки существенно повышаются, поскольку власть дает огромные преимущества и привилегии тем, кто ее захватил. Во-вторых, соперничество элит – это часто и борьба различных претендентов на престол или титул, например младших и старших ветвей родов или династий. В ранних государствах (и в их аналогах) долго идет борьба между родовой (не сменяемой с наследственной должности) аристократией и новой знатью: военной, служивой, дворцовой, а также между правителем и аристократией; правителем и жречеством; жречеством и военной знатью. Например, в Древней Индии за руководящее положение в обществе возникала борьба между брахманами и кшатриями (Бонгард-Левин, Ильин 1969: 169), а за право распределять подати – между брахманами и раджами (царями), которые сами чаще всего были кшатриями (Шарма 1987: 117).

Даже там, где власть в обществе представлялась абсолютной, более поздние исследования обнаруживают существенно иную картину. Работа Г. Стейна «Структура и соперничество социальных групп в ранних месопотамских государствах» (Stein 2001) посвящена анализу такой ситуации в Древней Месопотамии. Автор опровергает представление, что это общество в раннединастический период было «гомогенным, высокоцентрализованным», в котором правительство «контролировало фактически каждый аспект экономики, политики и социальной жизни» (*Ibid.*: 205). Он считает, что в центр внимания исследователей в поиске решающих факторов, взаимодействие между которыми и определило строение месопотамского общества, следовало бы поставить роль гетерогенности, случайности и *соперничества* между различными частями общества и групповыми интересами (Stein 2001: 207).

Политическая борьба очень часто имела следствием изгнание или добровольный уход части людей во главе с предводителем, которые либо устранились на новых незаселенных местах, либо захватывали чужие территории. Важно отметить, что все это способствовало развитию политических форм и режимов и их многообразию, поскольку на новом месте очень часто люди не просто копируют старое, а рафинируют и изменяют его, устраняя отжившее, утратив-

шее в новых условиях свою эффективность, приспособливая к конкретным условиям. Так, согласно преданию, в XIII в. до н. э. под давлением неясных обстоятельств переселились шанцы (один из древнекитайских этносов) во главе с правителем-ваном Пань Гэном. И с этого момента начался новый этап в развитии Древнего Китая (Васильев 1983: 97–100).

ПОЛИТОГЕНЕЗ И ВОЙНА

Роль войн

По поводу роли войн в процессе государствогенеза какого-либо согласия нет. Многие исследователи, как уже указывалось, не считают войну фундаментальным фактором этого процесса (см., например: Классен 2000). В споре о возникновении государства, как считает Дж. Амброзино, «роль и воздействие внешних социальных факторов, то есть таких стимулов, которые создаются контактами с чужими обществами, практически игнорировались» (Ambrosino 1995: 54). Из современных исследователей теорию влияния войн на политогенез и появление государства наиболее систематично и последовательно разрабатывает Р. Карнейро (см.: Carneiro 1970, 1978, 1981, 1987a, 2000a, 2000b, 2002, 2003, 2004; Карнейро 2000, 2006; см. также: Годинер 1991). Однако эти теоретические разработки не стали достаточно общепризнанными. И если роль торговли, культурных и иных заимствований и влияний в политической антропологии учитывается в той или иной мере адекватно, то значение войн для процессов политогенеза и государствогенеза многие, если не большинство исследователей, занижают.

Повторим, что в конце XIX – начале XX в. роль войн в процессе образования государства оценивалась значительно выше. Марксизм был скорее исключением среди других направлений мысли этого периода в данном отношении (как, впрочем, и в целом ряде других отношений), поскольку он делал упор на внутриобщественные, классовые антагонизмы, а государство рассматривал как продукт такого антагонизма. Но даже последовательный марксист К. Каутский (1931) вопреки доктрине в конце концов был вынужден признать, что завоевание является важнейшей причиной возникновения государства. Наиболее же известными авторами, считавшими, что государство рождается из простого завоевания одного народа другим, были Л. Гумплович и Ф. Оппенгеймер. Стоит также упомянуть и Г. Ратценхофера (Gumplowicz 1883; Oppenheimer 1926; обзор теорий насилия см., например: Carneiro 1970; Карнейро 2006). Впоследствии такие подходы были справедливо отвергнуты как совершенно недостаточно учитывающие сложность исторической реальности. Но, вновь повторим, ошибки столетней давности не означают, что войны не играют важнейшей роли в политогенезе. Совсем напротив. **Отсутствие военного фактора (в каком-либо виде) в процессе образования и формирования раннего государства, по нашему мнению, является предельно редким исключением.** Под военным фактором мы понимаем ситуацию, так или иначе связанную либо с ведением войн

(агрессивных или оборонительных), либо с подготовкой к ним, либо с прямым завоеванием (подчинением) каких-либо социумов с помощью военной силы⁵⁰.

Однако важно отметить (поскольку этот момент, как правило, недоучитывается в спорах о роли войн в процессе образования государств): речь вовсе не идет о том, что в государствогенезе военный фактор всегда имеет определяющий характер. Утверждать это было бы неправомерно и неправильно. Мы говорим лишь о том, что военный фактор почти всегда присутствует в этом процессе, однако его вариации и степень влияния в разных ситуациях и обществах сильно разнятся. Иными словами, иногда он является решающим для государствогенеза, иногда – только одним из главных, иной раз – сопутствующим.

Для прояснения вышесказанного стоит дополнительно сформулировать ряд положений относительно роли военного фактора в политогенезе (подробнее см.: Гринин 2007в). Никакой фактор – в том числе и военный – не может быть не только единственным, но даже основным для протекания в целом политогенеза и государствогенеза, хотя в отдельных конкретных случаях те или иные причины могут доминировать. Для перехода к качественно новому состоянию эволюция требует развития разных сторон и сфер. Но, как уже выше указывалось, в конкретных обществах обычно существует диспропорция: какие-то сферы и процессы развиваются сильнее и быстрее, а какие-то намного слабее и медленнее. Поэтому комплексное развитие в целом достигается за счет взаимодействия многих обществ, и то далеко не сразу. Иными словами, за счет взаимных влияний и соперничества социальных групп и организмов отдельные достижения разных обществ предшествующих исторических генераций постепенно входят в систему многих конкретных обществ следующих генераций. Война в этом отношении значительно способствует подготовке необходимых условий для эволюционного рывка.

Кроме того, военный фактор имеет ряд особенностей по сравнению с другими. Во-первых, он может выступать одновременно и как внутренний, и как внешний, чего не скажешь, например, о сословном или классовом неравенстве. Во-вторых, он едва ли не чаще, чем остальные, требует разрыва с традицией, а переход к ароморфно новому без такого разрыва почти невозможен или затруднен. В-третьих, война лучше остальных факторов заставляет общества и элиты мобилизовывать силы и ресурсы, напрягаться и активизироваться, менять стратегии. Поэтому война является наиболее жестким и быстрым орудием социального отбора (правда, в ходе этого отбора отнюдь не всегда выживают именно более ароморфные формы). Войны ведут к разнообразным комбинациям, в результате чего время от времени находятся перспективные варианты. В-четвертых, при внутренней подготовленности и благоприятных обстоятельствах война – наиболее быстрый способ интеграции, кратчайший путь к решению многих проблем. Нельзя забывать, что войны способствуют концентрации населения в определенных местах. Наконец, как только война становится распространен-

---

⁵⁰ Во всяком случае, заслуживают внимания высказывания о том, что государство создает войну, а война создает государство (Tilly 1990), или «Полисы создавали войну, а война создавала полисы» (Hansen 2002: 39).

ной и почетной, процесс начинает сам себя подпитывать и усиливать. На какое-то время включаются положительные обратные связи, и война порождает войну⁵¹.

Роль войн исключительно важна уже и для догосударственной эпохи политогенеза, в которой нередко идет переход от неупорядоченных, сумбурных военных столкновений к тому, что война становится постоянным фактором и важным источником приобретения социального статуса. Для внутренней стратификации войны зачастую еще не имели решающего значения, но они создавали возможность интеграции обществ в будущем в крупные политии.

По мере образования самоуправляемых крупных обществ и общин, вожеств и иных политий размером до нескольких тысяч человек обнаруживался предел интеграции мирным путем. Конечно, бывало, что социумы могли мирно интегрироваться, например, вокруг храма или города до очень крупных размеров⁵². Но в большинстве случаев склонить соседей к подчинению или объединению было весьма трудно. И в интеграции все более важную роль играли войны. Возможно, именно поэтому данная эпоха начального политогенеза часто отражается в эпосе именно как «героическая», «богатырская», как время великих подвигов, воинов и героев. Можно считать, что скопление мелких конкурирующих политических организмов в определенных местах повышало роль войн в государствогенезе.

Таким образом, без постоянного соперничества, без военных побед и поражений социальная макроэволюция обычно шла относительно медленно⁵³. Ведь если с помощью религии или традиции можно заставить основное население подчиниться несправедливости и эксплуатации, то эти средства уже не годятся в отношении равного тебе по статусу правителя или суверенной политии. В последнем случае заставить подчиниться способна прежде всего сила либо общая угроза, которая требует совместного объединения или поиска покровительства. Вокруг сакрального центра можно в отдельных случаях объединить даже сотни тысяч людей, но обычно он не спасает от грозных врагов⁵⁴. Разумеется, и одной силы было также недостаточно, требовались и другие условия, в том числе нужная идеология, ментальность, концентрация этничности, экономическая или иная выгода и прочее.

⁵¹ Война, впрочем, может и достаточно эффективно блокировать аргентную эволюцию (прежде всего – через депопуляцию, но также через уменьшение реальной емкости среды и сужение каналов престижной социализации). Вспомним, например, как систематические войны, ведшиеся папуасами нагорья, достаточно эффективно заблокировали аргентную эволюцию этих сообществ, которые за многие тысячи лет после перехода к земледелию не смогли выйти по своей социально-политической сложности даже на уровень простых вожеств и/или их аналогов (см., например: Бутинов 2000).

⁵² Например, по мнению Ричарда Шеделя, доинкское вожество Лупака (XV в.) в Перу имело население более 150 тыс. человек, и им управляли два верховных вождя без института принудительной силы, а специализированный и принудительный труд имел место, по сути, на основе взаимного согласия (Schaedel 1995: 52).

⁵³ Но надо учитывать, конечно, готовность обществ к переменам под влиянием изменившихся условий. Там, где война является лишь неотъемлемой частью жизни, она может не вести ни к каким изменениям, а просто поддерживать статус-кво. Вот почему, как мы уже упоминали об этом выше, на Новой Гвинее развитие шло исключительно медленно как раз при высоком уровне военной активности (см., например: Бутинов 2000).

⁵⁴ Правда, иногда всякого рода святилища одновременно выполняли и роль военных центров, подобно тому как средневековые монастыри зачастую становились крепостями. См. об одном таком древнем святилище в Гурнэ у галлов в III–II вв. до н. э.: Брюно, Бюкзеншюц 1990: 137.

Вместе с тем в развитии любой политики (или группы политий), как правило, можно проследить чередование мирных и военных периодов, связанных, помимо массы разных обстоятельств, с циклами ее динамики, когда фазы экспансии (миграций или внешних агрессивных войн) чередуются с такими фазами, когда общество в основном занято решением внутренних проблем, интегрированием завоеванных территорий и т. п., в том числе и в связи с исчерпанием потенциала экспансии (относительно мирный период или период преимущественно оборонительной военной активности)⁵⁵.

Таким образом, мы видим, что в течение догосударственной эпохи в обществах накапливаются различные формы неравенства. А неравенство для своего поддержания, укрепления и развития требует обладания какой-либо властью, создающей у одних уверенность в правомерности своего превосходства, а у других – убежденность в необходимости подчиняться. Переход на раннегосударственный этап политогенеза связан с заметной концентрацией и монополизацией власти (Гринин 2007в). Все это вело к заметному росту значения войн как среди аналогов ранних государств, так и среди ранних государств. Жизнь большинства как земледельческих племен и вождеств (например, ирокезов, кельтов, германцев), так и кочевых (скифов, половцев и многих других) наполнена войнами, грабежами, походами. Ранние государства начинались войнами и в редких случаях не вели их практически бесконечно. Само рождение государства, как мы видели выше, так или иначе напрямую связано с военными действиями.

Однако развитие политических форм, и особенно государства, всегда является сложной комбинацией внутреннего развития и внешних влияний. Поэтому война и даже завоевание без внутренней готовности хотя бы одного из враждующих обществ к такой трансформации не образуют государства. Простое вождество даже при самой удачной войне не станет государством, если для этого нет нужных экономических, идеологических и социальных предпосылок. Во многих случаях сотни лет соперничества и войн между политическими образованиями так и не приводили к образованию государств (а в Новой Гвинее, как уже сказано, не привели даже к образованию вождеств). Поэтому заслуга Р. Карнейро состояла в том, что он показал некоторые из возможных ситуаций, в которых война способна дать новый результат, в частности ситуацию, когда нехватка ресурсов и демографическое давление в местностях с определенным, например, горным ландшафтом, как в Перу, может вести к образованию государства (Carneyro 1970). Вместе с тем примеры Р. Карнейро в смысле их реальной значимости все-таки вызывают определенные сомнения, поскольку возможности войны влиять на процесс государствогенеза гораздо шире, чем только ситуация жесткой нехватки ресурсов.

Совершенно очевидно, что для перехода к раннему государству нужны определенный объем прибавочного продукта и престижных благ, численность и плотность населения, достаточная его культурная однородность, наличие более или менее развитой идеологии. Все это – та питательная среда, внутри которой только и могут с достаточной силой идти процессы социального расслоения, ак-

⁵⁵ Подробнее об этих фазах экспансии – консолидации и их связи с фазами «вековых» социально-демографических циклов см.: Коротаев, Комарова, Халтурина 2007: 121–168; см. также: Гринин 2003а, 2003б, 2007в.

кумуляции ресурсов, возникновения центров власти. Естественно, что сама по себе война не может ни создать относительно избыточный продукт, ни увеличить население. Поэтому подготовительная работа идет в основном за счет невоенных процессов.

В связи со сказанным роль войны выглядит по-разному для первичного и вторичного государствогенеза. Если война, военный грабеж и военная эксплуатация становятся основой «политической экономии» общества⁵⁶, главным источником обогащения, главным сектором интенсивного «хозяйствования», их роль в процессе политогенеза существенно повышается. Поэтому война нередко становилась основой создания материальной базы для вторичного и третичного государствогенеза, когда она начинала выполнять псевдопроизводственную роль для паразитирующего на ней общества. Роль войны повышается также по мере формирования государственных институтов и их распространения у соседей, а также с развитием военного дела. В этом плане чем позднее шел государствогенез, тем заметнее в большинстве случаев была в нем роль войн (см. подробнее: Гринин 2007в). Есть много примеров, когда именно завоевание (или мобилизация для обороны, часто переходящей в захват) и является тем переломным моментом, который позволяет образовать государство. Характерным является уже упоминавшееся выше государство народа фульбе (Западная Африка, территория современной Гвинеи) в XVIII – начале XIX в. В результате этнических процессов, когда фульбе стали преобладать на данной территории, а также после принятия ислама частью знати и возникшего раскола общества начались войны за доминирование в стране, которые и завершились победой исламизированной знати и образованием государства (Козлов 1976: 69 и др.).

Первичный государствогенез в зоне ирригационного хозяйства проходил в условиях относительно высокопродуктивного сельского хозяйства. И поскольку внутренний продукт был относительно велик, внешние источники обогащения играли меньшую роль. Но в условиях производства большого излишка и тем более демографического подъема или даже взрыва неизбежно возникали соперничество и борьба за первенство между образовавшимися политиями (см. обзор мнений по этому поводу для Египта: Прусаков 1999: 61–63). Мы считаем, что **война, образно говоря, в таких ситуациях играла роль своего рода формовочного процесса, который придавал уже готовой массе определенную форму, а изменениям – определенное направление**⁵⁷. Иными словами, войны в этих случаях способствовали быстрой трансформации аналогов государства

⁵⁶ А. У. Джонсон и Т. К. Ёрл выделяют экономику жизнеобеспечивающей деятельности и «политическую экономику», связанную с особыми интересами элиты и ее воспроизводством (Johnson, Earle 2000: 22–27). О роли военного грабежа и прочих распределительных отношений, связанных с войной, в жизни определенных обществ в процессе социальной макроэволюции в целом см.: Гринин 1997–2001 [4/1997].

⁵⁷ И вновь можно согласиться с Дж. Амброзино, что при анализе возникновения первичных государств воздействие на них других обществ (а война – важнейшее из таких воздействий. – *Авт.*) многие исследователи теоретически выпускают из вида (Ambrosino 1995: 54). Мы бы даже сказали, что внешнее воздействие особенно игнорируется для первичного государствогенеза, поскольку роль заимствований и войн для вторичного государствогенеза более очевидна (см.: Гринин 2007в).

в государство, увеличивали роль административных и силовых рычагов в управлении обществом (несколько понижая роль сакральных)⁵⁸.

Поэтому мы не согласны с идеей Х. Й. М. Классена и других исследователей исключить войну и завоевания из числа важнейших факторов, которые направляют процесс социально-политической эволюции к образованию раннего государства (Claessen 2000: 3). Представляется, что во взглядах Классена имеется противоречие (см. подробнее: Гринин 2007в). С одной стороны, он заявляет, что, помимо четырех основных причин для образования государства: нужного количества населения, определенной территории, продуктивного хозяйства и идеологии, – необходима еще такая, которая явится толчком для того, чтобы государство сформировалось. Он очень верно отмечает, что эту причину можно рассматривать как пятое необходимое условие. К таким условиям он относит угрозу нападений, как это было, например, с бецилео на Мадагаскаре в XVII в.; недостаток продуктов и товаров, как в случае с ацтеками; появление новых идей и убеждений, как это было характерно для ранних государств Юго-Восточной Азии (см.: Claessen 2004: 80–82). Но среди таких провоцирующих развитие причин он как-то упорно обходит войну. А какая еще подобного рода причина может быть более распространенной, чем война? Мы, во всяком случае, такой не знаем.

Библиография

- ‘Абд ад-Дайим ‘абд ал-‘Азиз М. 1996. *Миср фи ‘аср ал-мамалик ва-л-‘Усманийийин (Египет в эпоху мамлюков и Османов)*. Каир: Мактабат нахдат аш-Шарк (на арабском языке).
- Аверкиева Ю. П. 1978. Индейцы Северо-Западного побережья Северной Америки (тлинкиты). *Североамериканские индейцы* / Ред. Ю. П. Аверкиева, с. 318–360. М.: Прогресс.
- Алексин В. А. 1986. Некоторые закономерности развития общественного строя древнеземледельческих обществ (по данным погребальных обрядов). *Древние цивилизации Востока* / Ред. В. М. Массон, с. 21–29. Ташкент: ФАН.
- Андреев Ю. В. 1985. К проблеме послемикенского регресса. *Вестник древней истории* 3: 9–29.
- Артемова О. Ю. 1987. *Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине (по австралийским этнографическим данным)*. М.: Наука.
- Артемова О. Ю. 1989. К проблеме первобытного эгалитаризма. *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока* / Ред. С. И. Блюмхен и др., ч. 3, с. 3–5. М.: Наука.
- Артемова О. Ю. 1991. Эгалитарные и неэгалитарные первобытные общества. *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития* / Ред. А. В. Коротаев, В. В. Чубаров, т. I, с. 44–91. М.: Ин-т истории СССР АН СССР.

⁵⁸ Есть смысл по этому поводу привести и мнение Т. Холла: «Около семи тысяч лет назад началось развитие мир-систем вождеств. Эти системы имели более четко выраженную иерархию и, в определенной степени, разделение на центр и периферию. Конфликты между этими системами, а также их динамика дали начало первым государствам и данническим мир-системам, которые появились приблизительно пять тысяч лет назад» (Холл 2006: 446; см. также: Hall 2001).

- Артемова О. Ю. 1993.** Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации. *Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. Памяти Л. Е. Куббеля* / Ред. В. А. Попов, с. 40–70. М.: Вост. лит-ра.
- ‘Ашур Са’ид ‘Абд ал-Фаттах. 1959.** *Миср фи ‘аср давлат ал-мамалик ал-бахриййа (Египет в эпоху бахритской династии мамлюков)*. Каир: Мактабат ан-нахда ал-мисриййа (на арабском языке).
- ‘Ашур Файнд Хаммад Мухаммад. 1995.** *Ал-Джихад ал-исламиий дидда ас-салибиййин ва-л-мугул (Исламский джихад против крестоносцев и монголов)*. Триполи (Ливан): Джаррус Брис.
- Бадави Дж. 1996.** *Ас-Са‘алик ‘ала ‘ари Миср (Бандиты на египетском престоле)*. Каир: Аз-Захра’ ли-л-и‘лам ал-‘арабийй (на арабском языке).
- Барфилд Т. Дж. 2006.** Мир кочевников-скотоводов. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 415–441. Волгоград: Учитель.
- Белков П. Л. 1993.** Социальная стратификация и средства управления в доклассовом и предклассовом обществе. *Ранние формы социальной стратификации. Генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции* / Ред. В. А. Попов, с. 71–97. М.: Вост. лит-ра.
- Беляев Д. Д. 2002.** Древние майя (III–IX н.э.). *Цивилизационные модели политогенеза* / Ред. Д. М. Бондаренко, А. В. Коротаев, с. 130–155. М.: Ин-т Африки РАН.
- Бессмертный Ю. Л. 1972.** Возникновение Франции. *История Франции* / Ред. А. З. Манфред, т. 1, с. 9–68. М.: Наука.
- Биокка Э. 1972.** *Яноама*. М.: Мысль.
- п’Битек О. 1979.** *Африканские традиционные религии*. М.: Наука.
- Бонгард-Левин Т. М., Ильин Г. Ф. 1969.** *Древняя Индия. Исторический очерк*. М.: Наука.
- Бондаренко Д. М. 2000.** *Доимперский Бенин: Формирование и эволюция системы социально-политических институтов*: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: Ин-т Африки РАН.
- Бондаренко Д. М., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2006.** Альтернативы социальной эволюции. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 15–36. Волгоград: Учитель.
- Бромлей Ю. В. 1982. (Ред.).** *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе*. М.: Наука.
- Брюно Ж.-Л., Бюкзеншюц О. 1990.** Новые исследования кельтской цивилизации во Франции. *Вестник древней истории* 3: 131–142.
- Буданова В. П. 2000.** *Варварский мир эпохи Великого переселения народов*. М.: Наука.
- Бутинов Н. А. 1968.** *Папуасы Новой Гвинеи*. М.: Наука.
- Бутинов Н. А. 1980.** Общинно-родовой строй мотыжных земледельцев (по материалам Новой Гвинеи и Северо-Западной Меланезии). *Ранние земледельцы. Этнографические очерки* / Ред. Н. А. Бутинов, А. М. Решетов, с. 110–143. Л.: Наука.
- Бутинов Н. А. 1982.** *Полинезийцы островов Тувалу*. М.: Наука.

- Бутинов Н. А. 1995.** Папуа Новая Гвинея: властные структуры. *Этнические аспекты власти* / Ред. В. В. Бочаров, с. 51–78. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т.
- Бутинов Н. А. 2000.** *Народы Папуа Новой Гвинеи (От племенного строя к независимому государству)*. СПб.: Петербургское Востоковедение.
- Васильев Л. С. 1983.** *Проблемы генезиса китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администрации)*. М.: Наука.
- Виткин М. А. 1968.** Проблема перехода от первичной формации ко вторичной. *Проблемы истории докапиталистических обществ* / Ред. Л. В. Данилова, с. 425–454. М.: Наука.
- Гиренко Н. М. 1991.** *Социология племени*. Л.: Наука.
- Годинер Э. С. 1982.** *Возникновение и эволюция государства в Буганде*. М.: Наука.
- Годинер Э. С. 1991.** Политическая антропология о происхождении государства. *Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения* / Ред. С. Я. Козлов, П. И. Пучков, с. 51–78. М.: Наука.
- Гринин Л. Е. 1997–2001.** *Формации и цивилизации*. [Книга печаталась в журнале «Философия и общество» с 1997 по 2001 г.]
- Гринин Л. Е. 1999.** Соотношение развития государства и производительных сил (в рамках всемирно-исторического процесса). *Вестник Московского университета*. Сер. 12. *Политические науки* 1: 17–27.
- Гринин Л. Е. 2001.** Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства). Ч. 1. *Философия и общество* 4: 5–60.
- Гринин Л. Е. 2001–2006.** Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства). *Философия и общество* 4/2001: 5–60; 2/2002: 5–74; 3/2002: 5–73; 2/2003: 5–42; 3/2003: 5–57; 1/2004: 5–44; 4/2004: 5–44; 4/2005: 5–29; 2/2006: 20–67.
- Гринин Л. Е. 2003а.** *Производительные силы и исторический процесс*. 2-е изд. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2003б.** *Философия, социология и теория истории*. 3-е изд. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2006а.** Раннее государство и его аналоги. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Кортаев, с. 85–163. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2006б.** Раннее государство и демократия. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Кортаев, с. 337–386. Волгоград: Учитель.
- Гринин Л. Е. 2006в.** Насилие и исторический процесс. *Насилие и толерантность: история, современность, перспективы* / Ред. У. Навотный, А. П. Назаретян, О. В. Андреева, с. 46–50. М.: Изд-во РУДН.
- Гринин Л. Е. 2007а.** *Государство и исторический процесс: Политический срез исторического процесса*. М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2007б.** *Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому*. М.: КомКнига/URSS.

- Гринин Л. Е. 2007в.** *Государство и исторический процесс. Эпоха образования государства: общий контекст социальной эволюции при образовании государства.* М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2009.** *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса.* 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2010.** *Государство и исторический процесс: Эволюция государственности: От раннего государства к зрелому.* 2-е изд., испр. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2011.** *Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. Общий контекст социальной эволюции при образовании государства.* 2-е изд. М.: ЛКИ.
- Гринин Л. Е. 2012а.** Государство и его кризис: от ранних до несостоявшихся государств. *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса /* РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ, с. 1425–1432. М.: РОС.
- Гринин Л. Е. 2012б.** Ранние государства и их аналоги в политогенезе: типологии и сопоставительный анализ. *Ранние формы политических систем /* Отв. ред. и сост. В. А. Попов, с. 9–98. СПб.: МАЭ РАН.
- Гринин Л. Е. 2016.** *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса.* 3-е изд. URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009.** *Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы.* М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012.** Вождества и их аналоги: к типологии среднесложных обществ. *Политическая антропология традиционных и современных обществ: материалы международной конференции /* Отв. ред. Н. Н. Крадин, с. 92–123. Владивосток: Изд. дом Дальневосточного федерального ун-та.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2013.** Эпоха первичного политогенеза. *Ранние формы потестарных систем /* Отв. ред. и сост. В. А. Попов, с. 31–64. СПб.: МАЭ РАН.
- Гуляев В. И. 1986.** Типология древних государств: Месопотамия и Мезоамерика. *Древние цивилизации Востока /* Ред. В. М. Массон, с. 81–85. Ташкент: ФАН.
- Гуляев В. И. 1993.** Скипетр и держава: к вопросу о царской власти у древних майя. *Вестник древней истории* 4: 45–60.
- Гуляев В. И. 2005.** *Скифы: расцвет и падение великого царства.* М.: Алетейя.
- Гумилев Л. Н. 1993.** *Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации.* М.: Прогресс.
- Гумилев Л. Н. 2004.** *Русь и Великая степь.* М.: АСТ.
- Гуревич А. Я. 1980.** Образование раннефеодального государства в Норвегии (конец IX – начало XIII вв.). *История Норвегии /* Ред. А. С. Кан, с. 126–151. М.: Наука.
- Дандамаев М. А. 1985.** Государство и религия на Ближнем Востоке. *Вестник древней истории* 2: 3–9.
- Деопик Д. В. 1994.** *История Вьетнама:* в 2 ч. Ч. 1. М.: МГУ.

- Джонсон Г. А. 1986. Соотношение между размерами общества и системой принятия решений в нем. *Древние цивилизации Востока* / Ред. В. М. Массон, с. 92–103. Ташкент: ФАН.
- Дольник В. Р. 2007. *Непослушное дитя биосферы*. М.; СПб.: Петроглиф, КДУ, Паритет.
- Дьяконов И. М. 2000. Города-государства Шумера. *История Востока*. 1: *Восток в древности* / Ред. В. А. Якобсон, с. 45–56. М.: Вост. лит-ра.
- Дюмезиль Ж. 1986. *Верховные боги индоевропейцев*. М.: Наука.
- Заклама А. 1995. *Ал-Мамалик фи Миср (Мамлюки в Египте)*. Каир: Мактабат Мадбули (на арабском языке).
- Иванчик А. И., Кулланда С. В. 1991. Источниковедение дописьменной истории и ранние стадии социогенеза. *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития* / Ред. А. В. Коротаев, В. В. Чубаров, т. I, с. 192–216. М.: Ин-т истории СССР АН СССР.
- Кадырбаев А. Ш. 2006. Царица Египта Шаджарат ад-Дурр: 1249–1250 гг. (Повествование о тюркской рабыне, ставшей императрицей и основательницей государства Мамлюков). *Египет, ближний Восток и глобальный мир* / Ред. А. П. Логунов, с. 108–112. М.: Кранкэс.
- Каждан А. П. 1954. Принятие христианства в Болгарии. *История Болгарии* / Ред. П. Н. Третьяков, т. 1, с. 71–75. М.: Изд-во АН СССР.
- Казанков А. А. 2002. *Агрессия в архаических обществах (на примере охотников-собирателей полупустынь)*. М.: Ин-т Африки РАН.
- Кардини Ф. 1987. *Истоки средневекового рыцарства*. М.: Прогресс.
- Карнейро Р. Л. 2000. Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства. *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 84–94. М.: Логос.
- Карнейро Р. Л. 2006. Теория происхождения государства. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 55–70. Волгоград: Учитель.
- Касим А. К. 1998. *‘Аср салатин ал-мамалик, ат-тарих ас-сийасийй ва-л-иджтима‘ийй (Эпоха мамлюкских султанов, социально-политическая история)*. Каир: ‘Айн ад-дирасат ва-л-бухус ал-инсаниййа ва-л-игтима‘иййа (на арабском языке).
- Каутский К. 1931. *Материалистическое понимание истории*. в 2 т. Т. 2. М.: ГИЗ.
- Киселев Г. С. 1985. *Доколониальная Африка. Формирование классового общества (состояние проблемы и перспективы ее разработки)*. М.: Наука.
- Классен Х. Й. М. 2000. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма. *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 6–23. М.: Логос.
- Ключевский В. О. 1937. *Курс русской истории*. Ч. 1. М.: Гос. соц.-экон. изд-во.
- Кобищанов Ю. М. 1974. Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития. *Африка: возникновение неравенства и пути развития* / Ред. Л. Е. Куббель, с. 85–290. М.: Наука.
- Кобищанов Ю. М. 1978. Системы общинного типа. *Община в Африке: проблемы типологии* / Ред. С. А. Токарев, Ю. М. Кобищанов, с. 133–260. М.: Наука.

- Козинцев А. Г. 1980.** Переход к земледелию и экология человека. *Ранние земледельцы* / Ред. Н. А. Бутинов, А. М. Решетов, с. 6–33. Л.: Наука.
- Козлов С. Я. 1976.** *Фульбе Фута-Джаллона. Очерки этнической, политической и социальной истории.* М.: Наука.
- Колесник В. И. 2007.** Экономические возможности кочевых обществ. *Вопросы истории* 4: 142–152.
- Коротаев А. В. 1988.** К становлению городских структур в Южной Аравии (начало I тыс. до н. э. – VI в. н. э.): термин *hgr* в древнейемениской эпиграфике. *Город на традиционном Востоке* / Ред. К. З. Ашрафян, Р. В. Хабаева, с. 37–41. М.: Наука.
- Коротаев А. В. 1991а.** Некоторые экономические предпосылки классовообразования и политогенеза. *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития* / Ред. А. В. Коротаев, В. В. Чубаров, т. I, с. 136–191. М.: Ин-т истории СССР АН СССР.
- Коротаев А. В. 1991б.** Узловые проблемы социологии развития архаических обществ. *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития* / Ред. А. В. Коротаев, В. В. Чубаров, т. I, с. 3–43. М.: Ин-т истории СССР АН СССР.
- Коротаев А. В. 1997.** *Факторы социальной эволюции.* М.: ИВ РАН.
- Коротаев А. В. 2000а.** От государства к вождеству? От вождества к племени? (Некоторые общие тенденции эволюции южноаравийских социально-политических систем за последние три тысячи лет). *Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика* / Ред. В. А. Попов, с. 224–302. СПб.: Вост. лит-ра.
- Коротаев А. В. 2000б.** Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ (в основном по материалам Северо-Восточного Йемена). *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 265–291. М.: Логос.
- Коротаев А. В. 2003а.** Джордж Питер Мёрдок и школа кросс-культурных исследований. *Бюллетень: Антропология, меньшинства, мультикультурализм* 3: 19–74.
- Коротаев А. В. 2003б.** Джордж Питер Мёрдок и школа количественных кросс-культурных (холокультуральных) исследований. *Социальная структура* / Ред. Дж. П. Мёрдок, с. 478–555, 588–606. М.: ОГИ.
- Коротаев А. В. 2006а.** *Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции.* М.: Вост. лит-ра.
- Коротаев А. В. 2006б.** *Социальная история Йемена.* М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Комарова Н. Л., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны.* М.: КомКнига/URSS.
- Коротаев А. В., Крадин Н. Н., Лынша В. А. 2000.** Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания). *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 24–83. М.: Логос.
- Коротаев А. В., Кузьминов Я. И. 1989.** Некоторые проблемы моделирования социально-экономической структуры раннеклассовых и феодальных обществ. *Народы Азии и Африки* 3: 67–77.

- Кортаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2007.** *Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура*. М.: КомКнига/URSS.
- Корсунский А. Р. 1965.** О социальном строе вестготов в VI в. *Вопросы древней истории* 3: 54–74.
- Кочакова Н. Б. 1986.** *Рождение африканской цивилизации (Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея)*. М.: Наука.
- Кочакова Н. Б. 1999.** *Раннее государство и Африка (аналитический обзор публикаций Международного исследовательского проекта «Раннее государство»)*. М.: Ин-т Африки РАН.
- Крадин Н. Н. 1992.** *Кочевые общества*. Владивосток: Дальнаука.
- Крадин Н. Н. 2001а.** *Империя хунну*. 2-е изд. Владивосток: Дальнаука.
- Крадин Н. Н. 2001б.** Кочевники в мировом историческом процессе. *Философия и общество* 2: 108–137.
- Крадин Н. Н. 2002.** Структура власти в кочевых империях. *Кочевая альтернатива социальной эволюции* / Ред. Н. Н. Крадин, Д. М. Бондаренко, с. 109–125. М.: Ин-т Африки РАН.
- Крадин Н. Н., Бондаренко Д. М. 2002. (Ред.).** *Кочевая альтернатива социальной эволюции*. М.: Ин-т Африки РАН.
- Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. 2006.** *Империя Чингис-хана*. М.: Вост. лит-ра.
- Крашенинников С. 1948.** *Описание земли Камчатки*. М.: ОШЗ.
- Крюков М. В. 1982.** Этнические и политические общности: диалектика взаимодействия. *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе* / Ред. Ю. В. Бромлей, с. 147–163. М.: Наука.
- Куббель Л. Е. 1976.** Об особенностях классовообразования в средневековых обществах Западного и Центрального Судана. *Становление классов и государства* / Ред. А. И. Першиц, с. 87–123. М.: Наука.
- Куббель Л. Е. 1982.** Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества. *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе* / Ред. Ю. В. Бромлей, с. 124–146. М.: Наука.
- Куббель Л. Е. 1988а.** Возникновение частной собственности, классов и государства. *История первобытного общества. Эпоха классовообразования* / Ред. Ю. В. Бромлей, с. 140–269. М.: Наука.
- Куббель Л. Е. 1988б.** *Очерки потестарно-политической этнографии*. М.: Наука.
- Куббель, Л. Е. 1989.** Производящее хозяйство и политическая организация. *Вестник древней истории* 1: 117–118.
- Куббель Л. Е. 1990.** *«Страна золота» – века, культуры, государства*. М.: Наука.
- Кулланда С. В. 1995.** Царь богов Индра: Юноша – воин – вождь. *Ранние формы политической организации: От первобытности к государственности* / Ред. В. А. Попов, с. 104–125. М.: Вост. лит-ра.
- Кульпин Э. С. 2006.** *Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства*. М.: КомКнига.

- Курбатов А. А. 2006.** Аристократия Древней Греции в VIII–VI вв. до н. э. *Вопросы истории* 10: 115–123.
- Лавров В. В. 1999.** Переселение готов в Причерноморье. *Вестник древней истории* 3: 170–183.
- Лоренц К. 1994.** *Агрессия*. М.: Прогресс.
- Лундин А. Г. 1969.** Городской строй Южной Аравии во II–IV вв. н.э. *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока* 5: 55–57.
- Лундин А. Г. 1971.** *Государство мукаррибов Саба' (сабейский эпонимат)*. М.: Наука.
- Лундин А. Г. 1977.** Город в древней Южной Аравии. *Древние города* / Ред. В. М. Массон, с. 32–35. Л.: Наука.
- Малков С. Ю. 2002.** Математическое моделирование исторических процессов. *Новое в синергетике. Взгляд в третье тысячелетие* / Ред. Г. Г. Малинецкий, С. П. Курдюмов, с. 291–323. М.: Наука.
- Малков С. Ю. 2003.** Математическое моделирование динамики общественных процессов. *Связь времен* / Ред. И. Л. Жеребцов, т. 2, с. 190–214. М.: МГВПКОКС.
- Малков С. Ю. 2004.** Математическое моделирование исторической динамики: подходы и модели. *Моделирование социальной и экономической динамики* / Ред. М. Г. Дмитриев, с. 76–188. М.: РГСУ.
- Малков С. Ю., Ковалев В. И., Малков А. С. 2000.** История человечества и стабильность (опыт математического моделирования). *Стратегическая стабильность* 3: 52–66.
- Малков С. Ю., Косе Ю. В., Бакулин В. Н., Сергеев А. В. 2002.** Социально-экономическая и демографическая динамика в аграрных обществах. *Математическое моделирование* 14(9): 103–108.
- Малков С. Ю., Малков А. С. 2000.** История в свете математического моделирования. *История за и против истории* / Ред. Ю. М. Осипов, И. В. Бестужев-Лада, Е. С. Зотова, Г. Р. Наумова, кн. 2, с. 54–76. М.: Центр общественных наук.
- Малков С. Ю., Селунская Н. Б., Сергеев А. В. 2005.** Социально-экономические и демографические процессы в аграрном обществе как объект математического моделирования. *История и синергетика: Математическое моделирование социальной динамики* / Ред. С. Ю. Малков, А. В. Коротаев, с. 70–87. М.: КомКнига/URSS.
- Малков С. Ю., Сергеев А. В. 2002.** Математическое моделирование социально-экономической устойчивости развивающегося общества. *Стратегическая стабильность* 4: 54–61.
- Малков С. Ю., Сергеев А. В. 2004а.** *Математическое моделирование экономико-демографических процессов в аграрном обществе*. М.: Ин-т прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН.
- Малков С. Ю., Сергеев А. В. 2004б.** Оценка устойчивости социальных систем на основе экономико-демографического моделирования. *Проблемы управления безопасностью сложных систем* / Ред. Н. И. Архипова, В. В. Кульба, с. 356–359. М.: РГГУ.
- Мельвиль А. Ю., Миронюк М. Г. 2007. (Ред.).** *Государства в политическом пространстве современности*. М.: ИНИОН РАН.
- Мёрдок Дж. П. 2003.** *Социальная структура*. М.: ОГИ.

- Морган Л. Г. 1983 [1851].** *Лига ходеносауни, или ирокезов.* М.: Наука.
- Мосс М. 1996.** *Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии.* М.: Вост. лит-ра.
- Мухаметов Ф. Ф. 2007.** Монгольская «Яса» и ее роль в системе общественных отношений империи Чингисхана. *Вопросы истории* 5: 150–155.
- Неусыхин А. И. 1968.** Дофеодалный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодалному (на материалах истории Западной Европы раннего средневековья). *Проблемы истории докапиталистических обществ* / Ред. Л. В. Данилова, с. 569–617. М.: Наука.
- Нефедов С. А. 2002а.** О теории демографических циклов. *Экономическая история* 8: 116–121.
- Нефедов С. А. 2002б.** Опыт моделирования демографического цикла. *Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер»* 29: 131–142.
- Нефедов С. А. 2005.** *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV–начало XX века.* Екатеринбург: Изд-во УГГУ.
- Нефедов С. А., Турчин П. В. 2007.** Опыт моделирования демографически-структурных циклов. *История и Математика: макроисторическая динамика общества и государства* / Ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, с. 153–167. М.: КомКнига/URSS.
- Никитин С. А. 1954.** Протоболгары. *История Болгарии* / Ред. П. Н. Третьяков, т. 1, с. 54–59. М.: Изд-во АН СССР.
- Новожилова Е. М. 2000.** Традиционные тайные общества Юго-Восточной Нигерии (постарные аспекты функционирования). *Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика* / Ред. В. А. Попов, с. 109–122. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
- Ольдерогге Д. А. 1977.** Проблемы этнической истории Африки. *Этническая история Африки* / Ред. Д. А. Ольдерогге, с. 3–17. М.: Наука.
- Орлова А. С., Львова Э. С. 1978.** *Страницы истории великой саванны.* М.: Наука.
- Петкевич К. 2006.** Великое княжество Литовское. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 304–334. Волгоград: Учитель.
- Платонов С. Ф. 1994.** *Лекции по русской истории.* Т. 2. М.: Владос.
- Преображенский П. Ф. 2005.** *Курс этнологии.* М.: УРСС.
- Прусаков Д. Б. 1999.** *Природа и человек в Древнем Египте.* М.: Московский лицей.
- Райс Т. Т. 2004.** *Скифы. Строители степных пирамид.* М.: Центрполиграф.
- Ратцель Ф. 1902.** *Народоведение:* в 2 т. СПб.: Просвещение.
- Рено Ф., Даже С. 1991.** *Африканские рабы в далеком и недавнем прошлом.* М.: Наука.
- Риттер Э. А. 1968.** *Чака Зулу. Возвышение зулусской империи.* М.: Наука.
- Родионов М. А. 1994.** *Этнография Западного Хадрамаута.* М.: Вост. лит-ра.
- Рэдклифф-Браун А. 2001.** *Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции.* М.: Вост. лит-ра.
- Салинз М. Д. 1999.** *Экономика каменного века.* М.: ОГИ.

- Саутхолл Э. 2000. О возникновении государства. *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша, с. 130–136. М.: Логос.
- Седов Л. А. 1967. *Ангорская империя. Социально-экономический и государственный строй Камбоджи в IX–XIV вв.* М.: Наука.
- Семенов Ю. И. 1997. Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве. *Философия и общество* 1: 156–217.
- Семенова Л. А. 1995. Государства Фатимидов и Айюбидов. *История Востока*: в 6 т. Т. 2. *Восток в средние века* / Ред. Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян, с. 233–239. М.: Вост. лит-ра.
- Следзевский И. В. 1991. Проблема интерпретации племени в африканском обществе и формационная теория. *Племя и государство* / Ред. Ю. М. Ильин, В. А. Попов, И. В. Следзевский, с. 21–35. М.: Институт Африки АН СССР.
- Тевено Э. 2002. *История галлов.* М.: Весь мир.
- Те Ранги Хироа (Бак П.). 1959. *Мореплаватели солнечного восхода.* М.: Гос. изд-во географической лит-ры.
- Тишков В. А. 1990. Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе. *Вопросы философии* 12: 3–15.
- Токарев С. А. 1958. Происхождение общественных классов на островах Тонга. *Советская этнография* 1: 120–152.
- Токарев С. А., Блинов С. П. 1956. Общественный строй полинезийцев в прошлом. *Народы Австралии и Океании* / Ред. С. А. Токарев, С. П. Толстов, с. 607–621. М.: Изд-во АН СССР.
- Томановская О. С. 1977. О древних общественных структурах у народов Нижнего Конго (опыт реконструкции). *Этническая история Африки. Доколониальный период* / Ред. Д. А. Ольдерогге, с. 91–137. М.: Наука.
- Турчин П. В. 2007. *Историческая динамика. На пути к теоретической истории.* М.: ЛКИ/URSS.
- Фроянов И. Я. 1999. *Киевская Русь: главные черты социально-экономического строя.* СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Фрэйзер Дж. Дж. 1980. *Золотая ветвь: исследование магии и религии.* М.: Политиздат.
- Хазанов А. М. 2006. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 468–489. Волгоград: Учитель.
- Хара-Даван Э. 1996. Чингис-Хан как полководец и его наследие. *На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.)* / Ред. И. Б. Муслимов, с. 73–276. М.: ИНСАН.
- Холл Т. Д. 2006. Монголы в мир-системной истории. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* / Ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, с. 442–467. Волгоград: Учитель.
- Хочей А. С. 2000. *Теория общества. 2: Становление бюрократии. Цивилизация.* Казань: Матбугат Йорты.
- Шарма Р. Ш. 1987. *Древнеиндийское общество.* М.: Прогресс.
- Шнирельман В. А. 1982. Проблема доклассового и раннеклассового этноса в зарубежной этнографии. *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе* / Ред. Ю. В. Бромлей, с. 207–252. М.: Наука.
- Шнирельман В. А. 1986. Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов и собирателей. *История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины* / Ред. Ю. В. Бромлей, А. И. Першиц, В. А. Шнирельман, с. 236–426. М.: Наука.

- Шнирельман В. А. 1988.** Канаки. *Народы мира* / Ред. Ю. В. Бромлей, с. 200. М.: Советская энциклопедия.
- Щукин М. Б. 2005.** *Готский путь (готы, Рим и черняховская культура)*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ.
- Эванс-Причард Э. Э. 1985.** *Нуэры*. М.: Наука.
- Эгль Д. 2004.** Великая Яса Чингис-хана, Монгольская империя, культура и шариат. *Монгольская империя и кочевой мир* / Ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова, с. 491–530. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН.
- Ambrosino J. N. 1995.** Inter-Societal Contact and the Rise of the State: A Brief Note from Work in Progress. *Alternative Pathways to Early State* / Ed. by N. N. Kradin, V. A. Lynsha, pp. 54–59. Vladivostok: Dal'nauka.
- Artzrouni M., Komlos J. 1985.** Population Growth through History and the Escape from the Malthusian Trap: A Homeostatic Simulation Model. *Genus* 41(3–4): 21–39.
- Ayalon D. 1981.** From Ayyubids to Mamluks. *Revue des etudes islamiques* 49: 43–58.
- Ayalon D. 1987.** Mamluk Military Aristocracy: A Non-Hereditary Nobility. *Jerusalem Studies in Arabic and Islam* 10: 205–210.
- Ayalon D. 1994.** *Islam and the Abode of War. Military Slaves and Islamic Adversaries*. Aldershot: Ashgate.
- Barfield T. J. 1992.** *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China*. Cambridge, MA: Blackwell.
- Beeston A. F. L. 1971.** Functional Significance of the Old South Arabian «Town». *Proceedings of the Seminar for the Arabian Studies* 1: 26–28.
- Beliaev D. D. 2000.** Classic Lowland Maya (AD 250–900). *Civilizational Models of Politogenesis* / Ed. by D. M. Bondarenko, A. V. Korotayev, pp. 128–154. Moscow: Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences.
- Berezkin Yu. E. 1995.** Alternative Models of Middle Range Society. “Individualistic” Asia vs “Collectivistic” America? *Alternative Pathways to Early State* / Ed. by N. N. Kradin, V. A. Lynsha, pp. 75–83. Vladivostok: Dal'nauka.
- Bondarenko D. M., Grinin L. E., Korotayev A. V. 2002.** Alternative Pathways of Social Evolution. *Social Evolution & History* 1: 54–79.
- Bott E. 1981.** Power and Rank in the Kingdom of Tonga. *The Journal of the Polynesian Society* 90: 7–83.
- Brown S. 1987.** *The Causes and Prevention of War*. New York, NY: St. Martin Press.
- Carneiro R. L. 1967.** On the Relationship Between Size of Population and Complexity of Social Organization. *Southwestern Journal of Anthropology* 23: 234–243.
- Carneiro R. L. 1970.** A Theory of the Origin of the State. *Science* 169: 733–738.
- Carneiro R. L. 1978.** Political Expansion as an Expression of the Principle of Competitive Exclusion. *Origins of the State* / Ed. by R. Cohen, E. R. Service, pp. 205–223. Philadelphia, PA: Institute for the Study of Human Issues.
- Carneiro R. L. 1981.** The Chieftdom: Precursor of the State. *The Transition to Statehood in the New World* / Ed. by G. D. Jones, R. R. Kautz, pp. 37–79. Cambridge, UK; New York, NY: Cambridge University Press.
- Carneiro R. L. 1987a.** Cross-Currents in the Theory of State Formation. *American Ethnologist* 14: 756–770.
- Carneiro R. L. 1987b.** The Evolution of Complexity in Human Societies and Its Mathematical Expression. *International Journal of Comparative Sociology* 28(3–4): 111–128.

- Carneiro R. L. 2000a.** Process vs. Stages: A False Dichotomy in Tracing the Rise of the State. *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, P. K. Wason, pp. 52–58. Vladivostok: FEB RAS.
- Carneiro R. L. 2000b.** *The Muse of History and the Science of Culture*. New York: Kluwer Academic / Plenum Publishers.
- Carneiro R. L. 2002.** Was the Chieftdom a Congelation of Ideas? *Social Evolution & History* 1(1): 80–100.
- Carneiro R. L. 2003.** *Evolutionism in Cultural Anthropology. A Critical History*. Boulder, CO: Westview.
- Carneiro R. L. 2004.** Was the Chieftdom a Congelation of Ideas? *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A. V. Korotayev, pp. 28–45. Volgograd: Uchitel.
- Carneiro R. L. 2012.** The Circumscription Theory: A Clarification, Amplification, and Reformulation. *Social Evolution & History* 11(2): 5–30.
- Carneiro R. L. 2017.** Chieftdoms in Evolutionary Perspective. *Chieftdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Chabal P., Feinman G. M., Skalnik P. V. 2017.** Beyond States and Empires: Chieftdoms and Informal Politics. *Chieftdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Chagnon N. A. 1968.** *Yanomamo: The Fierce People*. New York, NY: Holt, Rinehart and Winston.
- Chase-Dunn C., Hall T. D. 1994.** The Historical Evolution of World-Systems. *Sociological Inquiry* 64: 257–280.
- Chase-Dunn C., Hall T. D. 1997.** *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. Boulder, CO: Westview Press.
- Chabal P., Feinman G., Skalnik P. 2004.** Beyond States and Empires: Chieftdoms and Informal Politics. *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A. V. Korotayev, pp. 46–60. Volgograd: Uchitel.
- Chu C. Y. C., Lee R. D. 1994.** Famine, Revolt, and the Dynastic Cycle: Population Dynamics in Historic China. *Journal of Population Economics* 7: 351–378.
- Claessen H. J. M. 1978.** Early State in Tahiti. *The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalnik, p. 441–467. The Hague: Mouton.
- Claessen H. J. M. 1981.** Specific Features of the African Early State. *The Study of the State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalnik, pp. 59–86. The Hague: Mouton.
- Claessen H. J. M. 1989.** Evolutionism in Development. *Vienne Contributions to Ethnology and Anthropology* 5: 231–247.

- Claessen H. J. M. 2000.** Problems, Paradoxes, and Prospects of Evolutionism. *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, P. K. Wason, pp. 1–11. Vladivostok: FEB RAS.
- Claessen H. J. M. 2004.** Was the State Inevitable? *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A. V. Korotayev, pp. 72–87. Volgograd: Uchitel.
- Claessen H. J. M., 2010.** *On Early States – Structure, Development, and Fall. Social Evolution & History* 9(1).
- Claessen H. J. M. 2012.** Reconsideration of a Reformulation. *Social Evolution & History* 11(2): 36–43.
- Claessen H. J. M. 2017.** On Chiefs and Chiefdoms. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Claessen H. J. M. 2018.** Sacred Kingship: Cases from Polynesia. *Social Evolution & History* 17(2): 3–26.
- Claessen H. J. M., Oosten J. G. 1996a. (Eds.).** *Ideology and the Formation of Early States*. Leiden: Brill.
- Claessen H. J. M., Oosten J. G. 1996b.** Introduction. *Ideology and Formation of Early States* / Ed. by H. J. M. Claessen, J. G. Oosten, pp. 1–23. Leiden: Brill.
- Claessen H. J. M., Skalník P. 1978.** Limits: Beginning and End of the Early State. *The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalník, p. 619–636. The Hague: Mouton.
- Claessen H. J. M., van de Velde P. 1985.** The Evolution of Sociopolitical Organization. *Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde, E. M. Smith, pp. 1–12. South Hadley, MA: Bergin & Garvey.
- Cohen R., Schlegel A. 1967.** The Tribe as a Socio-Political Unit: A Cross-cultural Examination. *Essays on the Problem of the Tribe* / Ed. by J. Helm, pp. 120–149. Seattle, WA: American Ethnological Society.
- Crumley C. L. 2001.** Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity. *From Leaders to Rulers* / Ed. by J. Haas, pp. 19–33. New York, NY: Kluwer Academic / Plenum Publishers.
- Dostal W. 1984.** Socio-Economic Formations and Multiple Evolution. *On Social Evolution. Contributions to Anthropological Concepts* / Ed. by W. Dostal, pp. 170–183. Vienna: Horn & Wien.
- Earle T. K. 1987.** Chiefdoms in Archaeological and Ethnohistorical Perspective. *Annual Review of Anthropology* 16: 279–308.
- Earle T. K. 1997.** *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory*. Stanford, CA: Stanford University Press.

- Earle T. K. 2000.** Hawaiian Islands (A.D. 800–1824). *Civilizational Models of Politogenesis* / Ed. by D. M. Bondarenko, A. V. Korotayev, pp. 73–86. Moscow: Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences.
- Earle T. K. 2001.** Institutionalization of Chiefdoms. Why Landscapes Are Built. *From Leaders to Rulers* / Ed. by J. Haas, pp. 105–124. New York, NY: Kluwer.
- Earle T. K. 2017.** Chiefs, Chieftaincies, Chiefdoms, and Chiefly Confederacies: Power in the Evolution of Political Systems. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Ekhholm K. 1977.** External Exchange and Transformation of Central African Social Systems. *The Evolution of Social Systems* / Ed. by J. Friedman, M. Rowlands, pp. 115–136. London: Duckworth.
- Ember C. R., Ember M., Russett B. 1992.** Peace between Participatory Polities. *World Politics* 44: 573–579.
- Feinman G. M. 2012.** Circumscription Theory and Political Change: From Determinism to Mechanisms. *Social Evolution & History* 11(2): 44–47.
- Fried M. H. 1967a.** *The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology.* New York, NY: Random House.
- Fried M. H. 1967b.** On the Concepts of “Tribe” and “Tribal Society”. *Essays on the Problem of Tribe* / Ed. by J. Helm, pp. 3–20. Seattle: American Ethnological Society.
- Fried M. H. 1975.** *The Notion of Tribe.* Menlo Park: Cummings Publishing Company.
- Friedman J. 1979.** *System, Structure and Contradiction: The Evolution of ‘Asiatic’ Social Formations.* Copenhagen: National Museum of Copenhagen.
- Gibson D. B. 2011.** Chiefdom Confederacies and State Origins. *Social Evolution & History* 10(1): 215–233.
- Gibson D. B. 2012.** *From Chiefdom to State in Early Ireland.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Gibson D. B. 2017.** Chiefdom Confederacies and State Origins. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Godelier M. 1978.** Infrastructure, Society and History. *Current Anthropology* 19: 763–771.
- Goldschmidt A. jr. 1994.** *Historical Dictionary of Egypt.* Metuchen, NJ: Scarecrow.
- Goldstone J. 1991.** *Revolution and Rebellion in the Early Modern World.* Berkeley, CA: University of California Press.
- Grinin L. E. 2002.** *General Context of the Social Evolution at the Early State Formation.* Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. E. 2003.** The Early State and its Analogues. *Social Evolution & History* 1: 131–176.
- Grinin L. E. 2004a.** Democracy and Early State. *Social Evolution & History* 3(2): 93–149.

- Grinin L. E. 2004b.** Early State and Democracy. *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A. V. Korotayev, pp. 419–463. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. E. 2004c.** The Early State and Its Analogues: A Comparative Analysis. *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A. V. Korotayev, pp. 88–136. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. 2008.** Early State, Developed State, Mature State: Statehood Evolutionary Sequence. *Social Evolution & History* 7(1): 67–81.
- Grinin L. E. 2009.** The Pathways of Politogenesis and Models of the Early State Formation. *Social Evolution & History* 8(1): 92–132.
- Grinin L. 2011.** *The Evolution of Statehood. From Early State to Global Society*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
- Grinin L. 2012.** *Macrohistory and Globalization*. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. 2015.** On the Models of the Early State Formation. *Conference Proceedings of the International Symposium on the Theories and Methods for the Studies of the Origin of States*. Shanghai, China, November 14–15, 2015, pp. 38–76. Shanghai: Research Centre on Ancient Civilizations.
- Grinin L. E. 2017.** Complex Chiefdom: Precursor of the State or Its Analogue? *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2006.** Political Development of the World System: A Formal Quantitative Analysis. *History and Mathematics. Historical Dynamics and Development of Complex Societies* / Ed. by P. Turchin, L. Grinin, A. Korotayev, V. de Munck, pp. 115–153. Moscow: KomKniga/URSS.
- Grinin L., Korotayev A. 2012.** Emergence of Chiefdoms and States: A Spectrum of Opinions. *Social Evolution & History* 11(2): 191–204.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017a.** Introduction. Chiefdoms from the Beginnings Until Now. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017b.** Chiefdoms and Their Analogues: Alternatives of Social Evolution at the Societal Level of Medium Cultural Complexity. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017c.** Conclusion. Chiefdoms: Beyond Time? *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Gumplowicz L. 1883.** *Der Rassenkampf*. Innsbruck: Wagner.
- Gunawardana R. A. L. H. 1981.** Social Function and Political Power: a Case Study of State Formation in Irrigation Society. *The Study of the State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalnik, pp. 219–245. The Hague: Mouton.

- Gunawardana R. A. L. H. 1985.** Total Power or Shared Power? A Study of the Hydraulic State and its Transformation in Sri Lanka from the 3rd to the 9th century A. D. *Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde, E. M. Smith, pp. 219–245. South Hadley, MA: Bergin & Garvey.
- Hall T. 2001.** Chiefdoms, States, Cycling, and World-Systems Evolution: A Review Essay. *Journal of World-Systems Research* 7(1): 91–100.
- Hansen M. H. 2002.** Was the *Polis* a State or a Stateless Society? *Even More Studies in the Ancient Greek Polis* / Ed. by T. H. Nielsen, pp. 17–47. Stuttgart: Steiner.
- Harris M. 1991.** *Cannibals and Kings*. New York, NY: Vintage Books.
- He Nu 2018.** Archaeological Indicators for Chinese Early States: A Case Study of Taosi in Shanxi. *Social Evolution & History* 17(2): 205–234.
- Helm J. 1967. (Ed.).** *Essays on the Problem of Tribe*. Seattle, WA: American Ethnological Society.
- Irons W. 2004.** Cultural Capital, Livestock Raiding, and the Military Advantage of Traditional Pastoralists. *The Early State, Its Alternatives and Analogues* / Ed. by L. E. Grinin, R. L. Carneiro, D. M. Bondarenko, N. N. Kradin, A. V. Korotayev, p. 466–475. Volgograd: Uchitel.
- Janssen J. J. 1978.** The Earle State in Ancient Egypt. *The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen and P. Skalnik, pp. 213–234. The Hague: Mouton.
- Jianping Yi 2012.** Circumscription Theory and the Political Evolution in Prehistoric China. *Social Evolution & History* 11(2): 120–130.
- Johnson A. W., Earle T. K. 2000.** *The Evolution of Human Societies: from Foraging Group to Agrarian State*. 2nd ed. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Keeley L. 1996.** *War before Civilization*. New York: Oxford University Press.
- Khazanov A. M. 1978.** The Early State Among the Scythians. *The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalnik, p. 425–439. The Hague: Mouton.
- Kobischanov Yu. M. 2000.** The Community-Caste Systems. *Hierarchy and Power in the History of Civilizations. International Conference* (Moscow, June 15–18, 2000). Abstracts / Ed. by D. M. Bondarenko, I. V. Sledzevsky, pp. 63–64. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies, Russian Academy of Sciences.
- Kögel T., Prskawetz A. 2001.** Agricultural Productivity Growth and Escape from the Malthusian Trap. *Journal of Economic Growth* 6: 337–357.
- Komlos J., Artzrouni M. 1990.** Mathematical Investigations of the Escape from the Malthusian Trap. *Mathematical Population Studies* 2: 269–287.
- Komlos J., Nefedov S. 2002.** A Compact Macromodel of Pre-Industrial Population Growth. *Historical Methods* 35: 92–94.
- Korotayev A. 1996.** *Pre-Islamic Yemen*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Korotayev A., Malkov A., Khalitourina D. 2006.** *Introduction to Social Macrodynamics: Secular Cycles and Millennial Trends*. Moscow: KomKniga/URSS.

- Kottak C. P. 1972.** Ecological Variables in the Origin and Evolution of African States. *Comparative Studies in Society and History* 14: 351–380.
- Kradin N. N. 2017.** Heterarchy and Hierarchy Among the Ancient Mongolian Nomads. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Kurtz D. V. 2012.** State Origins: Clarifications and Reformulations. *Social Evolution & History* 11(2): 67–69.
- Leach E. R. 1970.** *Political Systems of Highland Burma*. Boston, MA: Beacon Press.
- Lesser A. 1968.** War and the State. *War: the Anthropology the Armed Conflict and Aggression* / Ed. by M. Fried, M. Harris, R. Murphy, pp. 92–96. Garden City, NY: The Natural History Press.
- Lewis H. S. 1981.** Warfare and the Origin of the State: Another Formulation. *The Study of the State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalník, pp. 201–221. The Hague: Mouton.
- Lorenz K. 1966.** *On Aggression*. New York, NY: Harcourt Brace.
- Loundine A. G. 1973a.** Deux inscriptions sabéennes de Marib. *Le Muséon* 86: 179–192.
- Loundine A. G. 1973b.** Le régime citadin de l'Arabie du Sud aux IIe – IIIe siècles de notre ère. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies* 3: 26–28.
- Lozny L. 2012.** How Social Complexity Happens: Causal-History Explanation. *Social Evolution & History* 11(2): 70–73.
- Lozny L. R. 2017.** The Emergence of Multi-Agent Polities of the Northern Central European Plains in the Early Middle Ages, 600-900 A. D. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Malinowski B. 1947.** *Freedom and Civilization*. London: George Allen.
- Marcus J. 2012.** The Formation of Political Hierarchies and the Loss of Autonomy. *Social Evolution & History* 11(2): 74–78.
- Muller J.-C. 1981.** “Divine Kingship” in Chiefdoms and States. A Single Ideological Model. *The Study of the State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalník, pp. 239–250. The Hague: Mouton.
- Nefedov S. A. 2004.** A Model of Demographic Cycles in Traditional Societies: The Case of Ancient China. *Social Evolution & History* 3(1): 69–80.
- Oppenheimer F. 1926.** *The State*. New York: Vanguard.
- Polanyi K. 1968.** *Primitive, Archaic and Modern Economics*. New York: Anchor.
- Quigley D. 1999.** *The Interpretation of Caste*. New Delhi: Oxford University Press.
- Quigley D. 2000.** Kingship against the State: Caste Organization and the Exemplary Centre. *Hierarchy and Power in the History of Civilizations*. International Conference Moscow, June 15–18, 2000. Abstracts / Ed. by D. M. Bondarenko, I. V. Sledzevsky, pp. 105–106. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies, Russian Academy of Sciences.

- Quigley D. 2002.** Is a Theory of Caste still Possible? *Social Evolution & History* 1(1): 140–170.
- Robin C., Gajda I. 1994.** L'inscription du Wadi 'Abadān. *Raydān* 6: 113–137, pl. 49–60.
- Rousseau J. 1985.** The Ideological Prerequisites of Inequality. *Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde, M. E. Smith, pp. 36–45. South Hadley MA: Bergin & Garvey.
- Sahlins M. D. 1972a.** *Social Stratification in Polynesia*. Seattle, WA: University of Washington Press.
- Sahlins M. D. 1972b.** *Stone Age Economics*. New York, NY: Aldine de Gruyter.
- Schaedel R. 1995.** The Temporal Variants of Proto-State Societies. *Alternative Pathways to Early State* / Ed. by N. N. Kradin, V. A. Lynsha, pp. 47–53. Vladivostok: Dal'nauka.
- Service E. R. 1975.** *Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution*. New York, NY: Norton.
- Skalnik P. 2017.** Chiefdom at War with Chiefless People While the State Looks On. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Skarzynski R., Wajzer M., Staniucha T. 2016.** Mind and Vision: Social Evolution and the Origins of the Political. *Social Evolution & History* 15(1): 126–163.
- Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z. 2019.** The Idea of Space among the Nomads of Great Steppe. *Social Evolution & History* 18(2): 35–54.
- Spencer C. S. 2000.** The Political Economy of Pristine State Formation. *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, P. K. Wason, pp. 154–165. Vladivostok: FEB RAS.
- Stein G. 2001.** “Who Was King? Who Was Not King?” Social Group Composition and Competition in Early Mesopotamian State Societies. *From Leaders to Rulers* / Ed. by J. Haas, pp. 205–234. New York, NY: Kluwer.
- Steinmann G., Komlos J. 1988.** Population Growth and Economic Development in the Very Long Run: A Simulation Model of Three Revolutions. *Mathematical Social Sciences* 16: 49–63.
- Steinmann G., Prskawetz A., Feichtinger G. 1998.** A Model on the Escape from the Malthusian Trap. *Journal of Population Economics* 11: 535–550.
- Stocker T., Jianyi Xi'ao. 2019.** Early State Formation: A Complete Rejection of the Circumscription Theory. *Social Evolution & History* 18(2): 166–190.
- Tilly C. 1990.** *Coercion, Capital, and European States. A.D. 990–1990*. Cambridge, MA: Basil Blackwell.
- Tisdell C., Svizzero S. 2017.** Optimization Theories of the Transition from Foraging to Agriculture: A Critical Assessment and Proposed Alternatives. *Social Evolution & History* 16(1): 3–30.

- Turchin P. 2003.** *Historical Dynamics: Why States Rise and Fall*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Turchin P. 2005a.** Dynamical Feedbacks between Population Growth and Sociopolitical Instability in Agrarian States. *Structure and Dynamics* 1.
- Turchin P. 2005b.** *War and Peace and War: Life Cycles of Imperial Nations*. New York, NY: Pi Press.
- Turchin P., Korotayev A. 2006.** Population Density and Warfare: A Reconsideration. *Social Evolution & History* 5(2): 121–158.
- Usher D. 1989.** The Dynastic Cycle and the Stationary State. *The American Economic Review* 79: 1031–1044.
- Wason P. K., Baldia M. O. 2000.** Religion, Communication, and Genesis of Social Complexity in European Neolithic. *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, P. K. Wason, pp. 138–148. Vladivostok: FEB RAS.
- Webb M. C. 1975.** The Flag Follows Trade: An Essay on the Necessary Interaction of Military and Commercial Factors in State Formation. *Ancient Civilization and Trade* / Ed. by C. Lamberg-Karlovski, J. Sabloff, pp. 155–210. Albuquerque, NM: University of New Mexico Press.
- Wittfogel K. A. 1957.** *Oriental Despotism*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Wood J. W. 1998.** A Theory of Preindustrial Population Dynamics: Demography, Economy, and Well-Being in Malthusian Systems. *Current Anthropology* 39: 99–135.
- Zakharov A. O. 2019.** State Formation in First Millennium Southeast Asia: A Reappraisal. *Social Evolution & History* 18(1): 217–240.